ТВЕРСКИЕ АРХИМАНДРИТЫ В XVIII В.

ТВЕРСКІЕ АРХИПАСТЫРИ

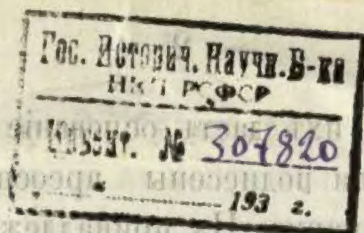
РЕВНИТЕЛИ ДУХОВНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

ВЪ XVIII в.

Н. А. Криницкаго.

(Изданіе Тверской Ученой Архивной Коммиссіи).

ТВЕРЬ.
Типографія Губернскаго Правленія.
1887 Г.

МАТЕРІАЛЫ

заключающіеся въ рукописи Тверскаго Музея подъ № 2130. *)

Рукопись Тверскаго Музея подъ № 2130 подарена священникомъ Тверской Вознесенской, что за Волгою церкви А. П. Орловымъ. Она имѣетъ форму in folio и содержитъ въ себѣ 270 полулистовъ въ толстомъ бумажномъ переплетѣ.—Нѣкоторыя свидѣтельства, заключающіеся въ самой рукописи, приводятъ къ несомнѣнному убѣжденію, что она составляла собственность преосвященнаго Арсенія III Верещагина, бывшаго съ 1775 по 1783 годъ епископомъ Тверскимъ и затѣмъ переведеннаго изъ Тверской епархіи въ Ростовъ.

Прежде всего въ ней находятся такіе документы, которые могли принадлежать одному только преосвященному Арсенію. Таковы—документы, находящіеся на страницахъ отъ 55-й до 77-ой и описывающіе торжество Архангельской семинаріи при открытіи философскаго класса 15 іюля 1774 года. Нѣтъ сомнѣнія, что преосвященный Арсеній, бывшій епископомъ Архангельскимъ съ 22 декабря 1773 года по 3 марта 1775 года, вывезъ эти документы на память о своей дѣятельности по устройству Архангельской духовной семинаріи. Весьма тща-

*) Статья читана въ засѣданіи Тверской ученой архивной коммисіи 24 апрѣля 1887 года членомъ ея Н. А. Криницкимъ.

тельная переписка ихъ даетъ основаніе предполагать, что эти документы были поднесены преосвященному Арсенію отъ названной семинаріи. На принадлежность ихъ преосвященному Арсенію указываетъ и надпись на нихъ „*Arsenius*,“ сдѣланная рукою самого преосвященнаго. Такая же подпись, находящаяся въ концѣ рукописи, свидѣтельствуетъ о принадлежности преосвященному Арсенію и всѣхъ остальныхъ документовъ.—Даже „Брачная пѣснь“ на день бракосочетанія Наслѣдника престола Павла Петровича съ великою княжною Наталіею Алексѣевною, поднесенная отъ Троицкой семинаріи, составляла несомнѣнно его же собственность. Появленіе ея въ рукописи объясняется, намъ кажется, тѣмъ, что Троицкая и Тверская семинаріи находились въ то время въ самой тѣсной связи, и воспитанники Тверской семинаріи неоднократно были отправляемы въ Троицкую семинарію для довершенія своего образованія въ богословскихъ наукахъ. Во время управленія Тверскою епархіею преосвященнаго Платона, при коемъ Арсеній Верещагинъ занималъ должность префекта и ректора, эта связь еще болѣе закрѣпилась тѣмъ обстоятельствомъ, что преосвященный Платонъ, вмѣстѣ съ нареченіемъ во архіепископа Тверскаго, былъ оставленъ и священно-архимандритомъ Троицкой лавры. Это обстоятельство дало ему возможность „для успѣшнѣйшаго усовершенствованія“ послать однажды 70 учениковъ въ Троицкую лавру и назначить имъ тамъ свое содержаніе. Понятно отсюда, что все, что являлось достопримѣчательнымъ въ Троицкой семинаріи,—все это интересовало и Тверскую и такъ или иначе переносилось и, быть можетъ, служило предметомъ ознакомленія ея питомцевъ. Нужно имѣть въ виду при этомъ, что Арсеній Верещагинъ самъ былъ воспитаникомъ сначала Тверской, а потомъ и Троицкой семинаріи и, какъ видно, былъ большимъ любителемъ семинарской „музы,“ поощрялъ учениковъ семинаріи въ занятіи стихо-

творствомъ и, при случаѣ, будучи уже епархіальнымъ архіереемъ, принималъ участіе въ исправленіи ученическихъ произведеній. Объ этой любви его къ поэзіи знало и епархіальное духовенство и привѣтствовало его иногда витіеватыми одами. По крайней мѣрѣ среди документовъ рукописи встрѣчается ода, сочиненная пономаремъ Вышневолоцкой Казанской Божіей Матери церкви Львомъ Логиневскимъ и поднесенная имъ преосвященному Арсенію, при посѣщеніи Вышняго Волочка въ августѣ 1777 года. Ода эта, замѣтимъ кстати, не заслужила одобренія преосвященнаго Арсенія и и къ подписи пономаря „всеусердный и униженнѣйшій рабъ,“ рукою самого преосвященнаго прибавлено: „и вмѣстѣ великой дуракъ.“ При сужденіи о принадлежности документовъ рукописи, нельзя не обратить вниманія и на то обстоятельство, что всѣ они касаются того времени, когда преосвященный Арсеній былъ или учителемъ, или префектомъ, или ректоромъ Тверской семинаріи, или, наконецъ, епархіальнымъ архіереемъ, а также и на то, что рукопись сохранилась въ родѣ Верещагиныхъ и досталась вышепомянутому священнику А. П. Орлову отъ родственниковъ преосвященнаго Арсенія.

На основаніи всего вышеизложеннаго мы не ошибемся, если съ рѣшительностію припишемъ принадлежность всѣхъ вообще документовъ рукописи преосвященному Арсенію.

Распорядокъ заключающагося въ рукописи матеріала, не имѣетъ системы ни по времени, ни по содержанію. Періодъ времени, къ которому относятся документы, простирается отъ 1771 по 1779 годъ. Изъ предшествующаго времени имѣется только одинъ документъ, именно—ода, посвященная преосвященному Гавріилу, бывшему епископомъ Тверскимъ съ 1763 по 1770 годъ.

Для удобства обозрѣнія матеріаловъ рукописи, мы распредѣлимъ ихъ на нѣсколько отдѣловъ, руководствуясь отчасти хронологическою послѣдовательностію, отчасти же содержаніемъ документовъ.

I.

1. Ода преосвященному Гавріилу,—безъ указанія времени и ближайшаго повода къ ея составленію. Въ этой одѣ преосвященный Гавріилъ воспѣвается за попеченія о паствѣ и особенно за покровительство наукамъ. Можно догадываться, что ода сочинена въ похвалу преосвященнаго за окончательное сформированіе семинарскаго курса открытіемъ богословскаго класса (13—15 стр.).

II.

2. Ода преосвященному архіепископу Платону, посланная отъ учениковъ семинаріи съ поздравленіемъ на день св. Пасхи 22 марта 1771 года (16—19 стр.).

3 Три оды, стихи, изъ коихъ два стихотворенія на русскомъ языкѣ и два на латинскомъ, и двѣ рѣчи—на русскомъ и латинскомъ языкахъ—ему-же на «всерадостное въ Тверь прибытіе» въ маѣ мѣсяцѣ 1771 (1—13 и 22—26 стр.).

4. Рѣчь, метафизическія положенія для публичнаго словопренія, двѣ оды и три канта „при случаѣ радостнаго дня тезоименитства“ преосвященнаго Платона 18-го ноября 1774 года (26—47 стр.).

5. „Вопль купецкихъ и разночинческихъ малолѣтнихъ дѣтей“ къ преосвященному Платону о разрѣшеніи преподавать въ учрежденныхъ въ епархіи училищахъ науки „на природномъ россійскомъ языкѣ“ и введеніи въ курсъ преподаваемыхъ наукъ физики, „а буде можно, то и натуральной исторіи.“

6. Поэма подъ заглавіемъ „Тверь“ (пѣснь вторая), въ которой воспѣвается дѣятельность преосвященнаго Платона въ

Тверской епархіи. Первой пѣсни названной поэмы въ рукописи нѣтъ; нѣтъ равно и продолженія ея, хотя авторъ и обѣщался продолжить „свой слабый гласъ:“

„Хоть къ Твери милости исчислиться не могутъ,“ заканчиваетъ онъ вторую пѣснь,

„Но можетъ нѣсколько въ томъ девять сестръ помогутъ.
И будетъ-ли успѣхъ? Но стану на Парнассъ
Стремиться съ лирою; продлю свой слабый гласъ.“

Поэма „Тверь,“ какъ видно изъ упоминанія въ ней о дѣятельности преосвященнаго Арсенія, писана во время управленія епархіей этого владыки. (192—198 стр.).

III.

7. Торжество Архангельской семинаріи при открытіи философскаго класса и во время диспутъ, посвященное преосвященному Арсенію—„наукъ любителю и покровителю“ 15 іюля 1774 года. Всѣ произведенія, читанныя на этомъ торжествѣ, размѣщены въ томъ порядкѣ, въ какомъ происходило самое торжество. На первомъ мѣстѣ находятся — четыре привѣтственныя рѣчи - двѣ на русскомъ и двѣ на латинскомъ языкѣ, и три канта съ поздравленіемъ на прибытіе въ семинарію преосвященнаго Арсенія, и шесть стихотвореній, изъ нихъ одно на латинскомъ языкѣ. Затѣмъ слѣдуетъ соотвѣтствующая торжеству рѣчь о пользѣ наукъ, положенія философскія и богословскія и мадригалы, которые „разнымъ почтеннымъ диспутъ зрителямъ были поданы.“ Въ заключеніе помѣщена ода, посвященная преосвященному Арсенію, съ слѣдующимъ епиграфомъ:

„Отличнѣйшихъ заслугъ возможно-ли не чтить?
Льзя-ль добродѣтели похвалъ не посвятить?
При пользѣ истинной можно-ль не восхищаться?
И радость можетъ-ли въ одной душѣ вмѣщаться?“

Ода замѣчательна біографическими свѣдѣніями касательно личности преосвященнаго Арсенія (56—76 стр.).

IV.

8. Ода, четыре стихотворенія—два на русскомъ и два на латинскомъ языкѣ, четыре рѣчи, изъ коихъ двѣ на русскомъ одна на латинскимъ и одна на греческомъ языкѣ—и четыре канта „на счастливое прибытіе въ Тверь преосвященнаго Арсенія 6 августа 1775 года (82—94 стр.).

Среди этихъ документовъ находится рѣчь, произнесенная Кимрскимъ протоіереемъ І. І. Воиновымъ, на прибытіе же въ Тверь преосвященнаго Арсенія (80—82 стр.).

9. Ода, представляющая собою передѣлку помѣщенной на страницахъ 40—45, два стихотворенія—одно на русскомъ, другое на латинскомъ языкѣ, пять рѣчей - двѣ на русскомъ, двѣ на латинскомъ и одна на греческомъ языкѣ, пять кантовъ, изъ коихъ первый представляетъ собою повтореніе помѣщеннаго на страницѣ 93, и философскія положенія для публичнаго состязанія. Всѣ эти произведенія посвящены преосвященному Арсенію—„наукъ изящнѣйшихъ любителю и покровителю при вожделѣнномъ посѣщеніи семинаріи и при отправленіи философскихъ диспутъ 29 сентября 1775 года (102—119 стр.).

10. Стихотвореніе, пять рѣчей—на русскомъ, латинскомъ, греческомъ, французскомъ и корельскомъ языкахъ—и ода „на всерадостный день Рождества Христова“ 1775 года (129—137 стр.).

11. Стихи и двѣ рѣчи преосвященному Арсенію „за оказаніе во время Св. Пасхи милости, по принесеніи поздравительныхъ приношеній въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1776 года (174—176 стр.).

Сюда же должно отнести поздравительныя рѣчи отъ Кашинскаго, Новоторжскаго и Осташковскаго училищъ (176 182 стр.)

12. Два стихотворенія на русскомъ и латинскомъ языкахъ, пять рѣчей на русскомъ, латинскомъ, греческомъ, французскомъ и корельскомъ языкахъ,—акростихъ „illustrissimo Arsenio Episcopo Tverensi et Caschinensi voces“ и комплиментъ отъ преподавателей семинаріи; стихи, рѣчь на латинскомъ языкѣ и краестрочіе „Христосъ воскресе, владыко святый Арсеній“ и рѣчь на русскомъ языкѣ отъ контуберналистовъ „на свѣтлоторжественнаго Христова воскресенія день“ 16 апрѣля 1777 года (146—156 стр.).

Къ этому же году относится рѣчь, не имѣющая прямаго отношенія къ семинаріи, произнесенная учителемъ Тимоѳеемъ Алексѣевымъ Ильинскимъ, по увольненіи его отъ учительскаго званія для производства во священника къ Никитской, что за Тверцою, церкви (78—80 стр.).

13. Ода, посвященная преосвященному Арсенію, пономаремъ Вышневолоцкой Казанскія Пресвятыя Богородицы церкви Львомъ Логиневскимъ въ августѣ мѣсяцѣ 1777 года (198—202 стр.).

14. Двѣ оды на Латинскомъ и русскомъ языкѣ, стихи на русскомъ и латинскомъ языкѣ, рѣчи—на латинскомъ, греческомъ, французскомъ и русскомъ языкахъ и сониетъ,—поднесенныя въ день Св. Пасхи въ мартѣ мѣсяцѣ 1779 года съ слѣдующимъ эпиграфомъ:

„Воскресшаго Христа сердцами прославляя,
О Пастырь, и Тебя питомцы музъ поютъ,
Что образъ Ты Его въ душѣ своей являя,
Блаженною ихъ жизнь творишь, пріятнымъ—трудъ.

(162—171 стр.).

V.

15. Ода, посвященная Императрицѣ Екатеринѣ II на преславныя ея побѣды, одержанныя надъ сухопутнымъ и мор-

скимъ Турецкими войсками. и купно на вѣчный миръ съ оттоманскою портою (256—263 стр.).

16. Врачная пѣснь на день бракосочетанія Великаго Князя Павла Петровича съ Наталіею Алексѣевною отъ Троицкой семинаріи, составленная на латинскомъ языкѣ и переведенная на русскій Михаиломъ Ильинскимъ (208—218 стр.).

17. Ода, стихи—на русскомъ и латинскомъ языкахъ, три рѣчи—на русскомъ, греческомъ и корельскомъ языкахъ „на всерадостное въ Тверь прибытіе Императрицы Екатерины II въ декабрѣ 1775 года (121—127 стр.).

18. Ода, стихи на русскомъ и латинскомъ языкахъ, рѣчи на русскомъ, латинскомъ, греческомъ, французскомъ и корельскомъ языкахъ—и пять кантовъ Ихъ Высочествамъ (221—223; 227—234 стр.).

19. Стихи на русскомъ и латинскомъ языкахъ, рѣчи на русскомъ, латинскомъ и греческомъ языкахъ и канты на прибытіе въ Тверь Св. Синода членамъ (263—266; 268—270 стр.).

20. Стихи на русскомъ и латинскомъ языкахъ и рѣчи на русскомъ, латинскомъ и греческомъ языкахъ свѣтскимъ особамъ (266—268 стр.).

Кромѣ выше названныхъ документовъ въ рукописи заключаются дубликаты ихъ, по большей части въ черновомъ видѣ и съ исправленіями.

На основаніи представленнаго изложенія содержанія документовъ рукописи трудно, конечно, судить о цѣнности и значеніи заключающагося въ нихъ историческаго матеріала. Большинство документовъ состоитъ, какъ видимъ, изъ торжественныхъ рѣчей, одъ, кантовъ, мадригаловъ, краестрочій, стиховъ и прочее, т. е. такихъ документовъ, съ которыми мы привыкли соединять представленіе какъ о чемъ-то малосодержательномъ. Нельзя не обратить при этомъ вниманія и на то, что почти всѣ они имѣютъ панегирическій харак-

теръ, препятствующій до извѣстной степени высказывать истинныя чувства и способный преувеличивать заслуги тѣхъ лицъ, къ которымъ они относятся.

Изъ общаго содержанія документовъ видно, что почти всѣ они посвящены управлявшимъ въ то время Тверскою епархіею преосвященнымъ Гавріилу, Платону и Арсенію, или относятся къ обстоятельствамъ изъ времени ихъ управленія. Семинаріи XVIII столѣтія, которымъ принадлежатъ документы рукописи, были поставлены, какъ извѣстно, въ полную зависимость отъ епархіальныхъ архіереевъ не только въ учебномъ и нравственномъ, но и матеріальномъ отношеніи; почти исключительно содержались на средства епархіальныхъ архіерейскихъ каѳедръ, и потому слишкомъ дорожили добрыми отношеніями къ нимъ преосвященныхъ и всячески старались сохранить ихъ расположеніе къ себѣ. Въ исторіи духовнаго просвѣщенія были случаи, когда семинаріи должны были влачить жалкое существованіе и даже совершенно закрываться вслѣдствіе или бѣдности архіерейской каѳедры, или просто по нелюбви преосвященнаго къ образованію. Понятно отсюда, какъ осторожно должна была относиться семинарія къ своему епархіальному архіерею, державшему въ своихъ рукахъ судьбу не только каждаго преподавателя и властному во всякое время подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ удалить каждаго изъ нихъ, но и судьбу цѣлаго учебнаго заведенія.

Не смотря на указанныя свойства и обстоятельства, при какихъ появились документы рукописи, за ними нельзя не признать историческаго значенія и извѣстнаго интереса Прежде всего, какъ спеціально относящіеся къ семинаріи и въ извѣстной степени характеризующіе положеніе послѣдней во второй половинѣ XVIII столѣтія, документы эти имѣютъ неоспоримое значеніе. Кромѣ того, что всѣ они слу-

жатъ памятниками, свидѣтельствующими о степени выработки стилистики и способности учениковъ къ авторству, въ нѣкоторыхъ изъ нихъ встрѣчаются взгляды современниковъ на характеръ образованія, могущіе имѣть цѣнное значеніе при сужденіи объ общемъ направленіи тогдашнихъ духовно-учебныхъ заведеній. Такова рѣчь, «о пользѣ наукъ», составленная преподавателемъ Архангелогородской духовной семинаріи, въ которой указывается значеніе каждой науки въ системѣ тогдашняго духовнаго образованія и какъ-бы начертывается цѣль, къ осуществленію которой оно стремилось. Этимъ впрочемъ не ограничивается значеніе матеріаловъ рукописи. Есть въ ней такіе документы, которые имѣютъ не только частное, но и общее значеніе. Такимъ является, по нашему мнѣнію, полный интереса «вопль купецкихъ и разночинческихъ дѣтей», написанный въ формѣ прошенія къ преосвященному Платону и принадлежащій, какъ можно судить на основаніи сличенія рукописныхъ памятниковъ, извѣстному любителю духовнаго просвѣщенія 18-го столѣтія Тверскому купцу Карманову, оставившему послѣ себя нѣсколько рукописныхъ проповѣдей и богословскихъ трактатовъ. Даже тѣ документы, которые при первомъ взглядѣ на нихъ могутъ показаться чуждыми всякаго значенія, при ближайшемъ разсмотрѣніи и по освобожденіи отъ различныхъ піитическихъ украшеній, нерѣдко заключаютъ въ себѣ цѣнный матеріалъ, относящійся какъ къ исторіи семинаріи, такъ и къ дѣятельности управлявшихъ въ то время преосвященныхъ, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ дополняютъ и исправляютъ тѣ свѣдѣнія, какія мы имѣемъ въ сочиненіи о. протоіерея Чередѣева «Біографіи Тверскихъ іерарховъ».

Приступая къ изложенію историческаго матеріала рукописи, мы считаемъ необходимымъ предварительно сдѣлать самый краткій очеркъ внѣшняго положенія семинаріи до управленія

Тверскою епархіею преосвященныхъ: Гавріила, Платона и Арсенія, ко времени которыхъ относятся документы рукописи.

Первоначальная исторія Тверской семинаріи ничѣмъ не отличалась отъ исторіи духовно-учебныхъ заведеній прошлаго столѣтія въ другихъ епархіяхъ. Получивъ свое начало въ силу Регламента, предписывавшаго всѣмъ епархіальнымъ архіереямъ заводить при своихъ архіерейскихъ домахъ школы для приготовленія дѣтей «въ надежду священства», она до самаго 1739 года носила названіе школы и ограничивалась самыми элементарными предметами преподаванія изученіемъ славянской грамматики, отчасти греческой, букваря, содержавшаго въ себѣ одни только начатки христіанскаго ученія и назначеннаго собственно для народа, и, наконецъ, ариѳметики. Съ 1739 года обстоятельства архіерейской школы измѣняются. На мѣсто низложеннаго архіепископа Ѳеофилакта Лопатинскаго на Тверскую каѳедру вступилъ Митрофанъ Слотвинскій, человѣкъ образованный и весьма дѣятельный. Онъ употребилъ всѣ средства, чтобы утвердить, распространить и возвысить образованіе дѣтей духовнаго званія, и къ прежнимъ классамъ школы,—чтенія и чистописанія, ариѳметики и славяно-греческой грамматики, прибавилъ классы: 1) Синтаксимы, 2) Піитики, 3) Риторики и 4) Философіи. Но особенно серьезное вниманіе преосвященный Митрофанъ обратилъ на устраненіе крайне печальнаго явленія тогдашней учебной жизни, въ сильной степени препятствовавшаго правильной постановкѣ учебныхъ занятій. Мы разумѣемъ развившееся среди учениковъ бѣгство изъ школы, достигавшее иногда поразительныхъ размѣровъ. Въ исторіи семинаріи, печатающейся въ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ, немало приведено такихъ случаевъ. Но особенное вниманіе обращаетъ на себя одинъ изъ нихъ, когда изъ школы разбѣжались всѣ ученики и оставили одного учителя.

При этомъ, желая скрыть слѣды своего пребыванія, школьники ухитрились похитить и реэстръ съ обозначеніемъ ихъ именъ и фамилій, такъ что «и справитися было не почему». Усиленію бѣгства учениковъ изъ школы много содѣйствовало какъ необычное положеніе въ то время архіерейской каѳедры, такъ и нежеланіе самаго духовенства обучать дѣтей своихъ. Преосвященный Ѳеофилактъ, находясь подъ слѣдствіемъ съ 1735 и до 1739 года и устраненный отъ управленія епархіальными дѣлами, не могъ, очевидно, съ должнымъ вниманіемъ относиться къ школѣ и наблюдать за правильнымъ теченіемъ учебныхъ занятій. Вслѣдствіе этого «въ домовой, что въ Ѳедоровскомъ монастырѣ его преосвященства, греко-славянской школѣ», какъ доносилъ отъ 22 января 1736 года учитель Иванъ Евдокимовъ, «учениковъ осталось зѣло малое число, а сами собою отъ духовнаго чина дѣтей своихъ, какъ города Твери, такъ и другихъ городовъ и уѣздовъ въ школу не приводятъ».

Изъ этого доношенія видно, что даже духовенство города Твери, которому было вполнѣ возможно и удобно посылать своихъ дѣтей въ школу, не только *«само собою»* не приводило дѣтей въ школу, но всѣми силами уклонялось отъ этого, пользуясь невозможностію для преосвященнаго вникать въ школьное дѣло. Преосвященный Митрофанъ Слотвинскій, вступивши на Тверскую каѳедру и задавшись мыслію основать семинарію, на первыхъ же порахъ долженъ былъ вступить въ борьбу съ косностью духовенства и употребить строгія мѣры для побужденія его посылать своихъ дѣтей въ семинарію. Безъ этой борьбы всѣ заботы его о семинаріи не могли имѣть значеніе уже потому, что школа не могла существовать безъ учениковъ. Вотъ почему дѣятельность преосвященнаго Митрофана, направленная къ побужденію духовенства епархіи къ отдачѣ дѣтей своихъ въ школу и къ

прекращенію бѣгства учениковъ, достойнымъ образомъ была оцѣнена ближайшимъ ко времени Митрофана Слотвинскаго поколѣніемъ семинарскихъ питомцевъ и имѣла, несомнѣнно, громадное значеніе для дальнѣйшей исторической судьбы семинаріи. Авторъ одной, наиболѣе замѣчательной въ историческомъ отношеніи, оды смотритъ на эту дѣятельность преосвященнаго Митрофана, какъ на внушенную свыше, какъ на дѣло, порученное ему Самимъ Богомъ. Вотъ слова оды, характеризующія эту дѣятельность преосвященнаго Митрофана:

«Сей Митрофанъ преосвященный
Безсмертія достойный мужъ,
По истинѣ былъ совершенный
Рачитель порученныхъ душъ.

***

Извѣстно, что самимъ онъ дѣломъ
Ту должность тщился проходить;
Хоть трудно въ родѣ закоснѣломъ
Въ невѣжествѣ могло то быть.
Но трудъ къ трудамъ онъ припрягаетъ
И всякій способъ избираетъ,
Чтобъ вредный истребить тотъ нравъ,
Чтобъ грубости отнять препону,
И путь открыть тому закону,
Кой держитъ мудрости уставъ.

***

Великаго труда то дѣло
Было, чтобъ тамъ науки ввесть,
Невѣжество гдѣ свирѣпѣло,
Покравши свѣтлыхъ мыслей честь.
Не зная красоты отмѣнной,

Въ науки нѣдрахъ сокровенной,
Народъ во тьмѣ тогда сидѣлъ.
Бороться надлежало сильно
Съ невѣжествомъ, чего обильно
Тотъ наипаче вѣкъ имѣлъ.

***

Родители, имѣвъ слѣпую
И вредну для дѣтей любовь,
Презрѣвши пользу ихъ драгую
Держались крѣпко за сыновъ;
Противились весьма упорно;
Не отдавали ихъ покорно,
Въ полезныя мѣста наукъ.
Когда же въ оны провожали,
Съ ужаснымъ воплемъ всѣ рыдали,
Ведя ихъ, какъ на мѣсто мукъ.

***

Но пастырскій трудъ непрерывный
И непричастна бодрость сна,
Надъ грубостью верхъ взяли дивный,
Какой беретъ надъ льдомъ весна:
Она снѣгъ жаркими лучами
Растаявъ, воды льетъ рѣками;
Такъ ревность, тщаніе и трудъ
Пекущагося Митрофана,
Особенной судьбой избрана,
Сердцамъ замерзшимъ жизнь даютъ».

***

Дѣятельность преосвященнаго Митрофана продолжалась съ 1739 по 1752 годъ. Благодаря продолжительному сравнительно пребыванію преосвященнаго на Тверской каѳедрѣ

и особенно его заботамъ объ образованіи дѣтей духовенства, обнаружившимся между прочимъ въ отправленіи въ 1747 г. 15 учениковъ Тверской семинаріи въ Московскую академію для слушанія философскаго и богословскаго курса, Тверская семинарія получила такую прочную основу, что порядки, установленные преосвященнымъ Митрофаномъ, явилось возможнымъ поддержать даже безъ участія со стороны преемниковъ Митрофана Слотвинскаго. Преемниками его по каѳедрѣ были преосвященные—Веніаминъ Пуцекъ-Григоровичъ (1753—1758 г.) и Аѳанасій Вольховскій (1758—1763 г.). Умолчаніе о нихъ автора вышеупомянутой оды ясно, намъ кажется, даетъ понять, что они не проявили никакой, съ своей стороны, попечительности о благоустройствѣ семинаріи и дальнѣйшемъ усовершенствованіи ея учебнаго курса. Да едва-ли они и интересовались этимъ дѣломъ. Въ сочиненіи «Біографіи Тверскихъ іерарховъ» точно также ни однимъ намекомъ не указывается на такую ихъ дѣятельность. Какъ на выдающіяся черты дѣятельности преосвященнаго Веніамина въ этомъ сочиненіи указывается на то, что онъ, будучи, вѣроятно, любителемъ колоколеннаго звона, «слилъ для колокольни каѳедральнаго собора два колокола, возобновилъ колоколенные часы и слилъ для нихъ колоколъ въ 60 пудовъ». А объ епископѣ Аѳанасіѣ Вольховскомъ авторъ названнаго сочиненія замѣтилъ только, что «и сему святителю досталось нѣчто устроить въ колокольнѣ каѳедральнаго собора: ибо шпицъ былъ поставленъ на ней некрасивъ, и при парапетахъ площадки не достланы, около оконъ рѣзьба не положена, и внутрь и внѣ алебастромъ не обдѣлана».

Только третій преемникъ Митрофана Слотвинскаго, преосвященный Иннокентій, не смотря на свое четырехмѣсячное пребываніе на каѳедрѣ, оставилъ по себѣ добрую память, такъ что въ вышепомянутой одѣ—о немъ дѣлается слѣдующій отзывъ:

«Епископъ Иннокентій—многій
Благоволенья опытъ далъ
И виды попеченья строги
О музъ блаженствѣ показалъ.
Хоть пастыремъ былъ время кратко,
Но музамъ было въ немъ пресладко:
Къ тому всѣ силы напрягать,
Что множило ихъ совершенство,
Для общей пользы и блаженства,
Что счастіе могло имъ дать».

Изъ этого краткаго очерка внѣшняго быта нашей семинаріи, съ самаго ея основанія, видно, что въ теченіе больше чѣмъ десятилѣтія, считая отъ смерти преосвященнаго Митрофана Слотвинскаго, она оставалась въ одномъ и томъ же положеніи, ровно ничего не прибавивъ къ тому, что получила отъ своего фундатора, хотя ей не доставало самаго главнаго—богословскаго курса. Нужно, впрочемъ, благодарить судьбу, что семинарія съумѣла сохранить въ цѣлости тѣ основы, которыя положены были преосвященнымъ Митрофаномъ. При извѣстномъ уже отношеніи къ семинаріи ближайшихъ преемниковъ Митрофана Слотвинскаго, эта честь должна всецѣло быть приписана лицамъ, которымъ ввѣрено было образованіе духовнаго юношества. Мы не можемъ опредѣленно сказать, кто въ это десятилѣтіе былъ ректоромъ семинаріи и былъ ли даже ректоръ; равнымъ образомъ—и того, кто были ея учителями. Извѣстно только, что въ концѣ управленія епархіею Аѳ. Вольховскимъ ректоромъ былъ святитель Тихонъ Задонскій, о дѣятельности котораго хотя и не осталось извѣстій, но можно думать, что семинарія многимъ обязана трудамъ этого святителя въ сохраненіи учебныхъ порядковъ, установленныхъ Митрофаномъ Слотвин-

скимъ. Къ этому же времени относится дѣятельность и другаго труженика нашей семинаріи—Арсенія Верещагина, посвятившаго всѣ свои молодыя силы на просвѣщеніе духовнаго юношества и впослѣдствіи поставившаго Тверскую семинарію на высокую степень совершенства.

Интересно отмѣтить тотъ фактъ, что сама семинарія, уже успѣвшая вкусить плоды ученія книжнаго, съ неудовольствіемъ смотрѣла на предшествующій десятилѣтній застой въ учебномъ дѣлѣ и видѣла въ немъ для себя какъ-бы наказаніе Божіе.

Испытавъ немало, вѣроятно, невзгодъ въ теченіе этого времени и обманутая въ своихъ надеждахъ на продолжительное пребываніе преосвященнаго Иннокентія, на первыхъ же порахъ обнаружившаго свою любовь къ духовному просвѣщенію, семинарія съ трепетомъ ожидала назначенія новаго архипастыря. Это состояніе семинаріи и послѣдовавшая затѣмъ радость ея, по поводу назначенія епископомъ преосвященнаго Гавріила, прекрасно изображены въ одѣ къ послѣднему, въ которой авторъ высказываетъ такія чувства:

«Какой въ блистаніи томъ ясномъ
Мысль предъ собою зритъ предметъ?
Какой въ видѣніи прекрасномъ
Ей представляется днесь свѣтъ?
Иль тѣнью льститъ напрасный сонъ!
Оставь, мой духъ, противны споры!
Не ложная прельщаетъ тѣнь!

Въ назначеніи преосвященнаго Гавріила авторъ видитъ дѣйствіе Промысла Божія, наблюдающаго при наказаніи правый судъ.

Всесильный—Я—своей державой,

влагаетъ онъ въ уста Бога слова, обращенныя къ преосвященному,—

Что на себѣ дознала Тверь,
Казнилъ, судъ наблюдая правый;
Но милосердія ужъ дверь
Отверсть хочу, и благъ пучину
Излить скорѣй, *отнявъ причину*.

Въ словахъ автора оды «отнявъ причину» заключается, намъ кажется, указаніе на безучастное отношеніе первыхъ преемниковъ Митрофана Слотвинскаго къ положенію семинаріи.

Преосвященный Гавріилъ (1763—1770 г.).

Преосвященный Гавріилъ былъ Тверскимъ епископомъ въ продолженіи 7 лѣтъ и, какъ видно, осуществилъ всѣ тѣ ожиданія, какія возлагала на него семинарія. Авторъ оды видитъ въ его дѣлахъ «премудрость прозорливу, а съ нею щедрость особливу»; называетъ его отцомъ, мудрымъ покровителемъ и любителемъ наукъ, который

«Щедроту льетъ своей рукой
Учащихъ ею награждаетъ;
Учащихся тѣмъ поощряетъ;
Желанный всѣмъ даетъ покой».

Но особенная заслуга преосвященнаго Гавріила въ отношеніи семинаріи, за которую онъ главнымъ образомъ и прославляется въ одѣ, заключалась въ окончательномъ сформированіи семинарскаго курса открытіемъ богословскаго класса. Вопросъ о томъ, когда сформировалась окончательно наша семинарія, до сего времени остается открытымъ. Намъ кажется, что онъ въ достаточной степени разрѣшается одой. Это видно изъ того, что самъ преосвященный Гавріилъ въ отвѣтѣ на слова, обращенныя къ нему отъ лица Бога, ставитъ себѣ цѣлію «науки вновь чтобъ насаждать». Но осо-

бенно ясно указываютъ на это обстоятельство слѣдующіе стихи оды:

«Давно хоть былъ сей (Парнассъ) насажденный
Различіемъ древесъ и цвѣлъ
Парнассъ, но въ наши дни отмѣнны
Обильнѣйшій въ немъ плодъ созрѣлъ.
. . . .
Въ Тверскомъ Парнассѣ нынѣ новы
Что множатся наукъ плоды,
Докажутъ тое богословы,
Въ чемъ полагаютъ всѣ труды.
Отъ насъ что *было отдаленно*,
Теперь намъ тое откровенно
Среди Парнасса—*здѣсь роститъ*:
Укоренилося—глубоко;
Простерло вѣтви вверхъ высоко
И орошаемо—цвѣтетъ».

На тоже самое обстоятельство намекаетъ и ода, поднесенная преосвященному Платону. Авторъ этой послѣдней оды, упомянувъ въ вышеприведенномъ отрывкѣ о дѣятельности преосвященнаго Иннокентія, продолжаетъ:

«Потомъ прещедра Гавріила
Щедрота Вышняго Творца
Особенно благоволила
Поставить музамъ во отца.
Онъ дивную лія щедроту
Вліялъ въ нихъ вящшую охоту
И взвелъ на высшую степень». . . .

Не смотря на попеченія преосвященнаго Гавріила о благоустройствѣ семинаріи, ему не удалось, какъ видно, вполнѣ расположить духовенство епархіи къ добровольной отдачѣ

своихъ дѣтей для обученія въ семинарію. По крайней мѣрѣ авторъ оды, сказавъ о дѣятельности преосвященнаго Гавріила по отношенію къ семинаріи, счелъ нужнымъ прибавить слѣдующее:

«Однакъ тѣ только свѣтъ хвалили,
Которы умъ свой просвѣтили
И сладость поняли трудовъ.
Чтобъ сердце каждаго плѣнялось
Науками, ту оставалось
Платону къ нимъ вперить любовь».

Архіепископъ Платонъ (1770—1775 г.).

Преосвященный Гавріилъ былъ пожалованъ архіепископомъ С.-Петербургскимъ 22 сентября 1770 года, а ровно чрезъ 20 дней, то есть 12 октября, состоялось назначеніе на Тверскую каѳедру съ званіемъ архіепископа архимандрита Троице-Сергіевой Лавры и члена Св. Синода Платона, имя котораго уже въ то время было весьма извѣстно въ Россіи. Сама собою понятна та великая радость, съ какою встрѣтила извѣстіе объ этомъ назначеніи Тверская семинарія. Эта радость нагляднымъ образомъ выразилась въ одѣ на прибытіе въ Тверь преосвященнаго Платона въ маѣ мѣсяцѣ 1771 года. Изображая восторгъ, съ какимъ Тверская паства ожидала прибытія своего новаго архипастыря, авторъ оды представляетъ слѣдующія сцены, сопровождавшія въѣздъ преосвященнаго въ городъ:

Счастливый градъ Тверь и блаженный,
Какую видитъ красоту!
. . . .
Куды духъ мой ни обращаю,
Куды ни устремлю свой взоръ,
Вездѣ пріятность ощущаю,

Вездѣ любезной разговоръ.
Иной гласитъ: „коль благъ Зиждитель
Вселенныя Премудръ Правитель!
Что зрѣть мнѣ въ старости судилось
Толь мудраго отца утѣхъ,
Толь дивна пастыря отъ всѣхъ,—
Желанье днесь мое сверщилось“.

***

Мужъ сановитостью почтенный,
Перерывая рѣчь того,
Красою пастыря плѣненный
Гласитъ: «о счастья моего!
Я вижу всѣхъ даровъ изрядство,
Доброты красны и пріятство;
Я вижу ново совершенство
И дивну красоту вѣковъ—
Тверскія паствы всей любовь
Платона—общее блаженство».

***

Цвѣтущій нѣжными лѣтами
Спѣшитъ открыть горящъ духъ свой,
Спѣшитъ, чтобъ свѣтлыми очами
Узрѣть приходъ желанный твой.
Надеждою себя питаетъ
И вслухъ всѣмъ часто повторяетъ:
«Меня отецъ чадолюбивый
Наверхъ желаній возведетъ,
Наверхъ блаженства вознесетъ;
Коль жребій мой и вѣкъ счастливый!»

***

Облекшись въ ризы испрещены,
Служащихъ Богу лицъ соборъ,
Взошедъ въ храмъ Вышняго священный,
Торжественнъ составляетъ хоръ.
Гласъ къ щедру небу возвышая,
Мольбы усердны проливая,
Поетъ, хваля Творца Уставы,
Что пастыремъ Тверь наградилъ
Такимъ, какимъ былъ Гавріилъ—
Достойный пастырь вѣчной славы!»

Историческія свѣдѣнія о дѣятельности преосвященнаго Платона въ Тверской епархіи мы находимъ какъ въ «Біографіяхъ Тверскихъ іерарховъ», такъ и въ сочиненіи Снегирева «Жизнь Московскаго митрополита Платона». Послѣ этихъ трудовъ и въ особенности послѣдняго трудно было бы, по видимому, найти что-нибудь особенное, дополняющее изложенныя въ означенныхъ трудахъ свѣдѣнія. Такое предположеніе однако не оправдывается. Мы находимъ въ рукописи полную и прекрасную характеристику дѣятельности преосвящ. Платона до возведенія его въ самъ архіепископа Московскаго. Эта характеристика тѣмъ драгоцѣннѣе для насъ, что принадлежитъ современнику и основывается не только на личныхъ впечатлѣніяхъ автора, но и на отзывахъ другихъ современныхъ ему дѣятелей. Замѣчательно при этомъ, что взглядъ его на дѣятельность преосвященнаго Платона ничѣмъ не отличается отъ взгляда послѣдующихъ писателей и какъ бы положенъ въ основаніе ими. Но кромѣ этого въ рукописи встрѣчается извѣстіе о новомъ фактѣ изъ дѣятельности преосвященнаго Платона въ Твери, не вошедшемъ ни въ одинъ изъ указанныхъ трудовъ,—именно о фактѣ обращенія нѣкоторыхъ раскольниковъ г. Ржева. Особенное значеніе для нашей цѣли имѣютъ два документа, именно

поэма «Тверь» и рѣчь, произнесенная въ 1774 году въ день тезоименитства преосвященнаго Платона Нелишены интереса и нѣкоторые другіе документы.

Обращаясь къ положенію семинаріи во время управленія Тверскою епархіею преосвященнаго Платона, нельзя не замѣтить значительнаго улучшенія ея какъ въ матеріальномъ, такъ и въ учебномъ отношеніяхъ Осчастливленный высокимъ вниманіемъ Императрицы Екатерины II, преосвященный Платонъ воспользовался своимъ положеніемъ, чтобы по возможности улучшить матеріальное благосостояніе семинаріи. Съ этою цѣлію онъ исходатайствовалъ у Императрицы въ добавленіе къ прежнимъ получаемымъ семинаріею отъ казны, 800 рублямъ еще 1000 рублей ежегодной субсидіи. *) Заботясь о безбѣдномъ воспитаніи юношества и безпрепятственномъ образованіи его, преосвященный Платонъ старался въ тоже время самому духовенству епархіи внушить любовь къ просвѣщенію и побудить его добровольно отдавать дѣтей своихъ въ семинарію.

Мы не знаемъ и изъ документовъ рукописи не видно, какія для этого принималъ онъ мѣры; въ нихъ отражаются только тѣ результаты, какихъ онъ успѣлъ достигнуть въ этомъ отношеніи. Во время управленія имъ Тверскою епархіею духовенство не только перестало сторониться семинаріи, но и совершенно свыклось съ мыслію о необходимости образованія для своихъ дѣтей.

Это отрадное событіе, непосредственнымъ виновникомъ котораго былъ, несомнѣнно, Платонъ, нашло себѣ выраженіе въ слѣдующихъ стихахъ оды:

---

*) Въ сочиненіи «Біографіи Тверскихъ іерархов» указывается нѣсколько большая сумма, а именно 1200 рублей.

«Отходитъ мракъ унылыхъ тучъ.
Чѣмъ мудрости слухъ громче мчится,
Паллада больше тѣмъ гордится
И далѣе гремитъ музъ звукъ;
Тѣмъ всѣхъ сильнѣе умъ плѣняетъ
И исклонность жаркую вперяетъ
Самимъ невѣжамъ до наукъ.

* * *

Горятъ охотой негасимой
Въ пути участье семъ имѣть;
Всѣ таютъ жаждой нестерпимой
Руно златое пріобрѣсть.
Текутъ всѣ къ славѣ добровольно
И жертвуютъ ей свой животъ,
Уже увѣрившись довольно,
Сколь славенъ, выгоденъ сей ходъ.
Спѣшатъ другъ друга упреждати,
Чтобъ первымъ жребьемъ обладати».

Притокъ жаждущихъ образованія былъ такъ великъ, что семинарія не могла вмѣстить ихъ. Увеличеніемъ количества учениковъ объясняется, намъ кажется, и то, передаваемое Біографіями Тверскихъ іерарховъ, извѣстіе, что «для успѣшнѣйшаго усовершенствованія преосвященный Платонъ разъ послалъ 70 учениковъ въ Троицкую Лавру и тамъ назначилъ имъ свое содержаніе». Въ прежнее время нужно было силою набирать учениковъ въ семинарію, силою же и удерживать ихъ, снисходя иногда къ ихъ слабостямъ и не слишкомъ разборчиво относясь къ ихъ способностямъ. Въ настоящее время явилась возможность выбора болѣе способныхъ и старательныхъ учениковъ и устраненія тѣхъ, которые не удовлетворяли требованіямъ учебнаго заведенія. Авторъ выше-

упомянутой рѣчи слѣдующими словами характеризуетъ дѣятельность Платона по отношенію къ образованію духовнаго юношества: Платонъ, говоритъ онъ, «доходя своимъ разумомъ, что мы въ свѣтъ произведены не болѣе свою, какъ общества наблюдать пользу, и будучи знатный членъ Правительствующаго Синода, почитая себя наипаче прочихъ имѣющимъ обязанность стараться объ общемъ добрѣ, не довольствуется одинъ только своими превосходными качествами.... Онъ довольно испытавъ, коль полезно для человѣка знаніе наукъ; дознавъ, говорю, что наука есть ясное познаніе истины, просвѣщеніе разума, непорочное увеселеніе въ жизни, воспитаніе и похвала юности, старости подпора и увеселеніе, утѣха и прибѣжище въ несчастіи, въ счастіи—украшеніе, вездѣ вѣрный и безотлучный спутникъ; онъ, увѣрившись твердо, что наука столь нужна смертнымъ, сколько солнце всему міру; онъ, душевными очами провидѣвъ, что умъ непросвѣщенный ученія свѣтомъ, всегда ходитъ во тьмѣ невѣжества, вперилъ въ свою душу тѣмъ пользовать и соотечественниковъ; онъ, какъ истинный сынъ отечества и добрый начальникъ ему подчиненныхъ, подвигнутъ общимъ добромъ и, имѣя попеченіе о пользѣ словесныхъ овецъ своихъ, предпочитаетъ всякой другой пользѣ науки. Свидѣтельствуетъ то, что заведенныя прежде училища онъ возстановилъ, утвердилъ, расширилъ, обогатилъ и наверхъ счастія и совершенства возвелъ. А притомъ по разнымъ мѣстамъ своей паствы еще вновь оныя учредилъ, и по своему мудрому попеченію довольное число въ училищахъ подъ своимъ покровительствомъ содержа покоитъ. (*) И какъ всѣмъ, что либо къ наставленію и поученію споспѣшествовать, либо

(*) Первое духовное училище было основано въ г. Кашинѣ въ 1768 году преосвященнымъ Гавріиломъ. Преосвященный Платонъ учредилъ

семинаріи справедливую честь доставить можетъ, такъ равно и всѣми средствами, къ споспѣшествованію наукъ служащими, снабдевать за первый себѣ долгъ ставитъ. Отъ чего произошло то, что училища сіи его премудрыми учрежденіями и распоряженіями управляемы, достохвальнымъ учениковъ прилежаніемъ и честными ихъ поведеніями заслуживаютъ отъ всѣхъ знающихъ справедливую себѣ похвалу. Онъ по своей премудрости и безпримѣрному старанію покровителей объ оныхъ, мужей ученіемъ и заслугами знаменитыхъ, съ довольнымъ раченіемъ изыскиваетъ и опредѣляетъ; такъ какъ и отроковъ отличныхъ дарованій избирать попечителямъ внушаетъ, а несоотвѣтствующихъ похвальнымъ его учрежденіямъ отъ такого добрыхъ сообщества, какъ неплодныя вѣтви, отрѣшать старается».

Увеличенію количества учениковъ въ семинаріи и училищахъ могла способствовать не только широкая попечительность преосвященнаго Платона о благосостояніи духовно-учебныхъ заведеній, но и его распоряженіе о пріемѣ для обученія въ нихъ, кромѣ дѣтей духовенства, и свѣтскихъ лицъ, о чемъ мы узнаемъ изъ помянутаго нами документа «Вопль купецкихъ и разночинческихъ малолѣтнихъ дѣтей». Такъ какъ этотъ замѣчательный документъ, свидѣтельствуя о влія-

---

въ 1772 году еще два въ городахъ—Торжкѣ и Осташковѣ. Объ этомъ событіи авторъ оды говоритъ такъ:

«Сей Кормчій мудрый предводитель,
Блаженнымъ всѣмъ желая быть,
Другихъ къ ней (наукѣ) тщится возбудить,
Сердцамъ быть не терпя ихъ тщетнымъ.
Кромѣ селенья музъ Тверскихъ
На островѣ средь Селигера,
Въ Торжку для славнаго примѣра
Училища красны воздвигъ»,

ніи семинаріи на общество, указываетъ въ тоже время и на пробужденіе въ немъ желанія пользоваться образованіемъ и даже выражаетъ весьма ясно формулированныя требованія касательно характера образованія, то мы считаемъ необходимымъ документъ этотъ привести здѣсь въ полномъ его видѣ. Вотъ онъ:

Преосвященнѣйшій Владыко!
Дражайшій Архипастырь нашъ!

Довольно мы отъ любезныхъ нашихъ родителей наслышались и сами примѣчаемъ, коликими ваше преосвященство Всевышній Богъ украсилъ совершенствами, и коль на высокій степень чести вы возведены Промысломъ Божіимъ отъ Великой и Премудрой нашей монархини. Ваше преосвященство своею премудростію и благоразуміемъ удивляете общество, своимъ краснорѣчіемъ церковь услаждаете неизреченно, посвящая сердца слышателей Сіи и другія ваши совершенства и добродѣтельная жизнь удостоили васъ быть не только начальникомъ пастырей Христова стада, но и учителемъ Всепресвѣтлѣйшаго Наслѣдника Короны величайшей въ свѣтѣ имперіи, какова есть Россія.

Таковое наше примѣчаніе въ вашей святительской особѣ весьма уважаетъ въ насъ понятіе о пользѣ наукъ и неизреченною распаляетъ насъ къ нимъ охотою. Мы ясно понимаемъ, что науки просвѣщаютъ разумъ, руководствуютъ къ добродѣтели и къ небесамъ, приносятъ почтеніе и пользу и дѣлаютъ насъ истинно счастливыми.

И хотя ваше преосвященство отеческою къ намъ будучи тронуты пользою, *и повелѣли насъ въ вашихъ училищахъ обучать*,—за что мы и приносимъ всенижайшее наше благодареніе; но къ великому сожалѣнію, родители наши для обученія наукамъ насъ въ школы не посылаютъ, разсуждая,

что науки преподаются обыкновенно на латинскомъ языкѣ, чрезъ что мы понесемъ двойной трудъ и должны будемъ обучаться долгое время, оставляя между тѣмъ обученіе того, что къ знанію нашему особенно нужно. Къ томужъ, говорятъ они, что латинскій языкъ можетъ въ нѣкоторыхъ изъ насъ умы утрудить, и чрезъ то охоту къ дальнѣйшему въ наукахъ упражненію попортить, и сдѣлать насъ къ тому неспособными, что де примѣчено и во многихъ семинаристахъ, которые, обучаясь латинскому языку и наукамъ, вдругъ почувствовали въ себѣ скуку, и оттолѣ лишась къ наукамъ охоты, по довольномъ упражненіи выходятъ не столь знающими, какъ бы желать должно. Справедливо ли родители наши разсуждаютъ, мы разобрать не можемъ; только сожалѣнія достойными себя признаваемъ, что лишаемся драгоцѣнныхъ наукъ бисеровъ, и сію потерю на всю нашу жизнь чувствовать принуждены будемъ.

Симъ сожалѣніемъ объяты будучи, осмѣливаемся припасть вашей святительской особѣ, зная особенное ваше о просвѣщеніи нашемъ стараніе, со всенижайшею нашею просьбою. Отверзите намъ врата наукъ; изведите насъ изъ нашего нещастія: повелите въ учрежденныхъ въ епархіи вашей училищахъ науки преподавать на нашемъ природномъ россійскомъ языкѣ, дабы чрезъ то родители наши были побуждены отдавать насъ въ училища, не видя уже никакова препятствія, и къ тому ихъ вашимъ архипастырскимъ увѣщаніемъ склонять не оставьте. Латинской же языкъ повелите преподавать особо, какъ нынѣ греческой и протчія преподается,—и къ тому употребить прикажите острѣйшихъ изъ семинаристовъ, ибо и для нихъ не для всѣхъ латинской языкъ необходимо нуженъ. А и мы, увидя самою вещію пріятность и ползу наукъ, и болшее получа къ нимъ расположеніе, будемъ всемѣрно старатца, чтобъ и въ знаніи язы-

ковъ отъ семинаристовъ не отстать, къ чему одно желаніе читать латинскія книги побудитъ насъ довольно.

При семъ осмѣливаемся напомянуть, чтобъ къ нынѣшнимъ частямъ философіи, которыя здѣсь преподаются, прибавить физику, а буде можно будетъ, то и натуральную исторію, въ чемъ мы особливую пріятность и пользу признаваемъ, и кажется, что мы, получа обстоятельное познаніе въ свѣтѣ находящихся существъ и ихъ притчинъ, силъ и дѣйствій, гораздо живою любовію воспламенятца будемъ къ Премудрому Создателю міра. Такое учрежденіе, какъ намъ кажется, многіе принесетъ ползы какъ намъ и всему обществу, такъ и изъ семинаристовъ многимъ, которые получа облегченіе, тѣмъ болшее вниманіе и приложность къ самимъ наукамъ имѣть будутъ. Сего давно желаетъ Россійское общество. Сіе произведетъ истинныхъ христіанъ и добрыхъ гражданъ. Сіе вертоградъ Россійской болше украситъ. Къ сему, видится намъ, подаетъ способъ и руководство Премудрая и Великая наша Самодержица, истинная отечества Матерь, повелѣніемъ переводить многія съ иностранныхъ языковъ на нашъ природной книги, коихъ мы уже имѣемъ нѣсколько и впредь больше имѣть будемъ. Ибо для чего бы столько о переводѣ книгъ Ея Величество стараніе прилагала, есть ли бы не имѣла за предметъ, чтобъ Ея вѣрноподданные могли почерпать изъ собственныхъ своихъ кладязей науки и просвѣщеніе, не утруждая себя, кому нѣтъ нужды и способа, ученіемъ другихъ языковъ? Не симъ-ли путемъ науки перешли отъ Грековъ къ Римлянамъ, а потомъ и по всей Европѣ распространились, въ которой просвѣщеніе сдѣлалось почти всеобщимъ? Не сумнѣваемся мы, чтобъ и ваше преосвященство сего же не желали, ибо и вы можете удобнѣе руководить къ небесамъ паству вашу просвѣщенную. Вы всю вашу жизнь посвятили просвѣщенію нашему и ползѣ общества. И когда

такая удобность въ пріобрѣтеніи просвѣщенія сдѣлается, то и возрастные и должностями занятые мужи, не оставятъ въ свободное отъ должности своей время въ слушаніи наукъ упражняться, каковыхъ мы и нынѣ видимъ, которые, увидѣвши нѣкоторыя ученія части преподаваемые и книги ученія изданныя на россійскомъ языкѣ, съ великою охотою въ нихъ устремились и нѣкоторое пріобрѣли просвѣщеніе.

Владыко преосвященнѣйшій! При общемъ всей сей имперіи, подъ премудрымъ и сладчайшимъ владѣніемъ Великой Екатерины, благополучіи, ощастливьте насъ, и поспѣшествуйте чрезъ то еще, какъ и поспѣшествуете благополучію отечества. Сіе имя вашего преосвященства прославитъ въ позднее потомство. Да и кому сіе пристойнѣе сдѣлать, какъ вашему высокому и столь просвѣщенному духу?».

Мы не будемъ дѣлать выводовъ изъ приведеннаго документа. Скажемъ только, что онъ служитъ выраженіемъ вполнѣ созрѣвшей мысли о необходимости образованія для всего русскаго общества. Но само собою понятно, что просьба, изложенная въ „Воплѣ“, какъ противорѣчившая всему строю тогдашнихъ духовно-учебныхъ заведеній, имѣвшая въ виду коренное преобразованіе ихъ съ устраненіемъ обязательнаго изученія латинскаго языка, очевидно не могла быть исполнена. И преосвященный Платонъ, дозволявшій обучаться въ духовныхъ школахъ всѣмъ иносословнымъ дѣтямъ, на этомъ документѣ написалъ слѣдующую резолюцію: „Мнѣ кажется, давно бы могло, есть-ли бы только хотѣло, гражданство завести на собственномъ своемъ содержаніи порядочное преподаваніе наукъ природнымъ языкомъ; а для сего потребными учителями семинарія конечно бъ не отреклась снабдить“.

Кромѣ заботъ о распространеніи образованія среди духовенства и улучшеніи духовно-учебныхъ заведеній въ мате-

ріальномъ и учебномъ отношеніяхъ, преосвященный Платонъ ознаменовалъ свое пребываніе въ Твери и другими дѣяніями, имѣющими обще-епархіальное значеніе. Однимъ изъ такихъ дѣяній является перестройка Каѳедральнаго собора и украшеніе его живописью, при чемъ преосвященный Платонъ, какъ видно изъ рѣчи въ день его тезоименитства, принималъ самое дѣятельное участіе въ указаніяхъ касательно перестройки. „Очевидный каждаго опытъ можетъ свидѣтельствовать", говоритъ авторъ рѣчи, „коль неутомимое тщаніе прилагалъ о созиданіи сего храма сей попечительнѣйшій архипастырь, что съ невѣроятною скоростію онъ приведенъ въ совершенство, едва чрезъ многія лѣта увидѣть чаятельное. Его неуклонное попеченіе неудовольствовано было тѣмъ, что препоручилъ онъ разнымъ доброхотнымъ и искуснымъ въ семъ дѣлѣ, разумнымъ, тщательнымъ и добродѣтельнымъ мужамъ исправлять сіе дѣло толь важное, но нерѣдко и самъ своею особою присутствовать при томъ дѣлѣ и учреждать съ лучшимъ распоряженіемъ изволилъ. Сіе есть толь великое дѣло, которое описать не достанетъ силъ разума". Благодаря заботамъ преосвященнаго Платона, Тверской каѳедральный соборъ сдѣлался однимъ изъ замѣчательныхъ въ то время храмовъ въ Россіи, такъ что Императрица Екатерина II, когда проѣздомъ увидѣла сей соборъ, то сказала преосвященному: „Вы такъ украсили соборъ, что я подобно красиваго мало видала".

Другимъ достопримѣчательнымъ событіемъ, относящимся ко времени управленія Тверскою епархіею преосвященнаго Платона и не вошедшимъ ни въ одинъ изъ указанныхъ трудовъ, должно несомнѣнно признать обращеніе многихъ раскольниковъ г. Ржева. Авторъ поэмы „Тверь" разсказываетъ во введеніи къ этой поэмѣ слѣдующее касательно этого факта. „Увѣдавъ о прибытіи его во архіерео-престольный

градъ свой Тверь, Ржева-Володимірова граждане разсудили за благо поздравить съ тѣмъ своего архипастыря самолично; при чемъ имѣли съ его преосвященствомъ разговоръ о вѣрѣ. Но какъ между прочимъ его преосвященство кратко и ясно имъ доказалъ, что весьма тѣ заблуждаютъ, которые отторгаются Православныя нашея церкви, то многіе изъ нихъ и ихъ согражданъ сердечно обратились въ ея объятіе". Въ самомъ текстѣ поэмы фактъ этотъ приводится въ связи съ характеристикою проповѣднической дѣятельности преосвящ. Платона. Вотъ этотъ отрывокъ:

„О древность славная, какъ жаркихъ громъ витіевъ
Передъ квиритами блисталъ въ судахъ Куріевъ,
Престань хвалиться ты, что много тѣхъ умовъ
На свѣтъ произвела, что красотою словъ
Услышащихъ въ восторгъ сердца и умъ плѣняли!
Въ Россіи лучшіе витіи просіяли.
Гремящій тамо гласъ исполненъ суеты;
Здѣсь полнъ небесныя сіяетъ красоты.
То ясно доказалъ Платонъ въ Твери вѣщая,
Святыя храмы тамъ, какъ пастырь, посѣщая.
Пусть въ Римѣ Цицеронъ витійственно гремѣлъ,
Но мало жаромъ тѣмъ успѣху онъ имѣлъ:
Онъ ясно открывалъ зла общаго причины,
Но могъ ли истребить совсѣмъ злость Катилины?
И между тѣмъ умѣлъ судей къ тому склонять,
Во вредныхъ чтобъ дѣлахъ виновныхъ извинять.
Когда жъ Платоновъ гласъ дыхалъ, какъ гласъ зефира
Вливалъ въ сыновъ Тверскихъ духъ тишины и мира,
. . . .
. . . .
Его гласъ развѣвалъ и тѣхъ всѣхъ плевы думъ,
Что межъ пшеницами насѣялъ Аввакумъ.

. . . .

Ржевъ-Володиміровъ живой тому свидѣтель,
Платоновъ силенъ сколь былъ гласъ и добродѣтель.
Онъ шлетъ посланниковъ, какъ о Платонѣ слухъ,
Дошелъ въ предѣлы ихъ, увеселяя духъ,
Что Тверь съ обиліемъ ту сладость ужъ вкушаетъ,
Что отъ Платоновыхъ ученій протекаетъ.
Предъ очи пастыря посланники представъ,
Знать истину хотятъ, съ почтеніемъ сказавъ:
„Прорцы, о пастырь нашъ, ученія намъ слово,
Нашъ духъ и сердце все принять его готово:
Какой бы подлинно любилъ видъ вѣры Богъ?
Которая изъ нихъ ведетъ въ его чертогъ?
Платонъ, наставить ихъ съ желаніемъ сердечнымъ,
И быть участникомъ благихъ на небѣ вѣчнымъ,
Имъ ясно доказалъ, что кромѣ вѣры той,
Котора церковью содержится святой,
Блаженство вѣчное снискать никакъ не можно.
Что противъ совѣсти своей грѣшатъ не ложно
Которые, забывъ страхъ Божій и законъ,
И чѣмъ бы въ цѣлости хранился больше онъ,
Единственно въ груди своей питая злобу
Терзаютъ безъ стыда той матери утробу,
Что породила ихъ отъ высоты водой
И Духа Божія даровъ святыхъ росой.
Кто изъ объятіевъ святыхъ ея уходитъ,
Тотъ въ безконечную себя погибель вводитъ.
Похититъ онаго, разверзши алчный зевъ,
Что всюду бѣгаетъ рыкая, адской левъ.
Посланники, сей гласъ внушивъ съ почтеньемъ дольнымъ,
Отъ пастыря отшедъ, имѣя духъ довольнымъ,
Достигли въ радости и всѣхъ дружинъ своихъ.

И чѣмъ съ обиліемъ наставилъ пастырь ихъ,
Не обинуяся пересказавъ подробно,
Узнали, что спастись внѣ церкви неудобно.
Ужъ архипастырскимъ повѣривши словамъ,
Подробнѣе вникать всякъ въ правду хочетъ самъ,
Оставить прежнія непрочныя святыни,
Сыскать же точныя спасенія причины.
И се, кто прежде былъ святыя церкве врагъ,
Отсталъ тотъ суетныхъ совѣтовъ побродягъ,
Смущенью совѣсти и прочихъ бѣдъ виновныхъ,
Сердечно восхотѣлъ въ числѣ быть чадъ церковныхъ.
Ужъ многіе изъ нихъ по тѣмъ стезямъ удутъ,
Которы къ вѣчности блаженной насъ ведутъ".

Можно думать, что описанный въ поэмѣ фактъ посѣщенія раскольниками преосвященнаго Платона и бесѣды его съ ними былъ вызванъ сколько проповѣдническою дѣятельностію Платона, столько же, если не въ большей степени, его сочиненіемъ „Увѣщаніе раскольникамъ", появившимся въ 1766 году. Сочиненіе это, написанное въ духѣ любви, соболѣзнующей о закоснѣлыхъ въ заблужденіи, могло дѣйствительно найти доступъ къ сердцамъ многихъ, желавшихъ познать истину. Не былъ-ли этотъ случай первымъ опытомъ примѣненія со стороны преосвященнаго Платона мѣръ по обращенію раскольниковъ, изложенныхъ въ „Увѣщаніи"?— Во всякомъ случаѣ фактъ посольства Ржевскихъ раскольниковъ—достопримѣчателенъ, и преосвященный Платонъ, какъ пастырь православной церкви и какъ человѣкъ глубокаго ума, не могъ не вникнуть въ значеніе этого факта и оцѣнить его по достоинству. Онъ увидѣлъ искреннее желаніе со стороны раскола сблизиться съ православною церковію, а эта бесѣда, быть можетъ, впервые навела его на мысль отыскать тотъ modus vivendi, при которомъ было бы возмож-

но существованіе на ряду съ церковью православной и раскольнической церкви на началахъ единовѣрія.

Въ заключеніе обозрѣнія дѣятельности преосвященнаго Платона за время управленія его Тверскою паствою по документамъ рукописи, интересно отмѣтить здѣсь то вниманіе, съ какимъ относилась Тверь къ своему знаменитому архипастырю и какъ высоко цѣнила она его дѣятельность на пользу не только епархіи, но и отечества, слѣдя за каждымъ успѣхомъ его дѣятельности и видя въ оной попеченіе объ общей пользѣ. Это особенно обнаруживается въ рѣчи отъ семинаріи на день тезоименитства Платона. Авторъ этой рѣчи поставилъ своею задачею показать „неусыпное попеченіе архипастыря объ общемъ добрѣ и о душевной пользѣ какъ всей паствы, такъ и всѣхъ соотечественниковъ“, а также „разобрать и представить нѣкоторыя внутреннія красоты его“, проявившіяся въ его рожденіи „отъ благочестиваго корене“, во всемъ его воспитаніи и во всей послѣдующей дѣятельности. Главнымъ мотивомъ дѣятельности Платона, направленной къ просвѣщенію юношества, было стремленіе „открыть истины естественныя, вкоренить истины чистѣйшія и такимъ путемъ довести до познанія свѣта истины Евангельской“. Этимъ мотивомъ руководился онъ и въ воспитаніи наслѣдника престола Павла Петровича, и въ плѣняющей умы всѣхъ проповѣди Слова Божія, и въ изложеніи своего богословія. „Своею краткою и превосходною богословіею, показывающею незыблемое блаженства основаніе, онъ, по мнѣнію автора рѣчи, преимущественно просвѣтилъ, просвѣщаетъ и въ вѣчные роды просвѣщать имѣетъ всѣхъ россійскихъ сыновъ души. Ибо прежде ученіемъ богословіи пользоваться имѣли счастіе одни только находящіеся въ училищахъ; но нынѣ и не имѣющіе онаго счастія благопріятства могутъ въ домахъ своихъ будучи со всѣмъ своимъ семей-

ствомъ пользоваться тѣмъ и безъ руководства, *да что еще превосходнѣе, на природномъ языкѣ*".

„Сіи и другія его сочиненія знатнѣйшіе въ ученомъ обществѣ члены отдаленныхъ отъ насъ странъ почитаютъ предъ прочими гораздо превосходнѣйшими и превозносятъ его совершенства и отмѣнныя во всемъ дарованія".

„Для большаго подтвержденія сей истины вотъ свидѣтельство иностранца, одного изъ просвѣщеннѣйшихъ науками мужей, который о всѣхъ, во удивленіе приводящихъ, архипастыря нашего качествахъ, въ публичной рѣчи изъясняясь, говоритъ: „сей мужъ, разумомъ, ученіемъ и краснорѣчіемъ украшенный, краткою своею богословіею и духовными словами у Россіянъ имя Златоуста пріобрѣлъ, а у иностранныхъ народовъ надмѣру прославился".

Кому изъ иностранцевъ принадлежитъ этотъ отзывъ о преосвященномъ Платонѣ,—мы не знаемъ; но изъ того, что этотъ отзывъ уже въ то время сдѣлался извѣстнымъ семинаріи, ясно видно, какъ она высоко цѣнила своего архипастыря и съ какою чуткостію прислушивалась ко всѣмъ отзывамъ, какіе дѣлались о его дѣятельности не только въ русскомъ обществѣ, но и за границей.

Преосвященный Арсеній Верещагинъ (1775—1783 г.)

Преосвященный Арсеній былъ одинъ изъ любимѣйшихъ архипастырей Тверской епархіи и принадлежалъ къ числу выдающихся дѣятелей въ исторіи нашей духовной семинаріи. Онъ не прославился какими-нибудь учеными трудами, да и едва-ли имѣлъ время для такихъ трудовъ. Это былъ человѣкъ до глубины души преданный просвѣщенію духовнаго юношества, вся жизнь котораго протекла въ живомъ общеніи съ учащимися. На всѣхъ ступеняхъ своего общественнаго положенія и въ званіи учителя семинаріи, и въ

званіи префекта и ректора, и, наконецъ, въ санѣ епархіальнаго архіерея онъ всегда и вездѣ отличался мягкою и нѣжною любовію къ ученикамъ. Глубокимъ интересомъ ко всѣмъ успѣхамъ учениковъ, своимъ умѣньемъ поощрить ихъ за успѣшный трудъ и своимъ непосредственнымъ участіемъ въ этихъ трудахъ онъ вызывалъ семинаристовъ къ усиленной дѣятельности. (*) Можно съ увѣренностію сказать, что цвѣтущее состояніе Тверской семинаріи во второй половинѣ прошлаго столѣтія во многомъ обязано его непосредственному вліянію на учениковъ, его неусыпной дѣятельности и заботамъ о ихъ просвѣщеніи. Къ сожалѣнію, до насъ дошло весьма мало свѣдѣній какъ объ этой несомнѣнно полезной для просвѣщенія духовнаго юношества дѣятельности, такъ равно и о самой личности преосвященнаго Арсенія. Въ „біографіяхъ“ о. Чередѣева передаются о немъ самыя краткія свѣдѣнія. „Арсеній Верещагинъ, говорится здѣсь, былъ Кашинскій уроженецъ, сынъ священника Кашинскаго Успенскаго собора; обучался въ Тверской семинаріи; въ послѣдствіи былъ въ ней учителемъ реторики, философіи и богословія, префектомъ, ректоромъ и вмѣстѣ архимандритомъ— сначалаОтрочевскимъ, а потомъ Калязина монастыря, котораго былъ онъ постриженцемъ.“ Вотъ и всѣ свѣдѣнія объ

(*) Прекрасною иллюстраціею отношеній Преосвященнаго Арсенія ко ввѣреннымъ его попеченію лицамъ, вполнѣ соотвѣтствующею его характеру и стремленіямъ, можетъ служить картина, находящаяся въ Ярославскомъ архіерейскомъ домѣ, въ Спасскомъ монастырѣ, изображающая архіепископа Арсенія Верещагина и его свиту, съ обозначеніемъ имени каждаго лица. Преосвященный Арсеній изображенъ сидящимъ за столомъ, съ распростертыми къ свитѣ руками; на столѣ находится книга; предъ преосвященнымъ сидятъ игуменъ Порфирій и казначей іеромонахъ Игнатій, а позади ихъ прочіе монашествующіе; лѣвѣе—хоръ пѣвчихъ въ костюмахъ и съ напудренными париками; въ рукахъ нѣкоторыхъ мальчиковъ—книги, позади преосвященнаго, *нѣ-

Арсеніѣ Верещагинѣ до производства *его въ санъ епископа* Архангелогородскаго. Болѣе опредѣленныя свѣдѣнія находимъ мы въ статьѣ А. Титова подъ заглавіемъ „Послѣдній Ростовскій архіепископъ Арсеній IV, Верещагинъ“ (*) „архіепископъ Арсеній, читаемъ мы здѣсь, въ мірѣ Василій Верещагинъ, родился въ 1736 году, въ городѣ Кашинѣ, Тверской губерніи. Обучался въ Тверской семинаріи и въ 1756 году поступилъ въ Московскую духовную академію, по выходѣ изъ которой, въ 1761 году, опредѣлился въ учители реторики въ Тверскую семинарію. Затѣмъ чрезъ шесть лѣтъ принялъ постриженіе въ монашество. Въ 1768 году былъ префектомъ Тверской семинаріи и учителемъ философіи и богословія, потомъ ректоромъ и архимандритомъ Отроча монастыря, а въ 1771 году перемѣщенъ въ Троицкій Калязинъ

сколько въ сторонѣ—три лица, по всей вѣроятности, учители семинаріи во французскихъ кафтанахъ и также съ напудренными париками. По глубокому вниманію и сосредоточенности, отражающимся на лицахъ всѣхъ присутствующихъ, видно, что преосвященный Арсеній ведетъ съ своею свитою ученую бесѣду. Предметъ бесѣды обозначается въ слѣдующихъ, находящихся внизу картины, стихахъ:

«И неба и земли
Владыка намъ внемли.
Се предсѣдящій съ нами,
Отецъ между сынами,
Законъ Твой откровенъ
Ліетъ намъ изъ устенъ.
Ты съ высоты святыя
Ему лей дни златыя
И всѣмъ даждь благодать
Тебя намъ познавать
Въ твоемъ священномъ чтеніи,
Что чтитъ и чтетъ Арсеній.

Сей братства есть портретъ
Единый здѣсь предметъ:
Божественное слово,
Ученіе Христово;
Здѣсь славится Творецъ
Отцевъ и чадъ Отецъ;
Его пріемлютъ пластырь—
Пасомые и пастырь.
Владыка всѣхъ владыкъ,
Тебѣ поетъ сей ликъ:
Даждь намъ Тебя узрѣти,
Молю и азъ и дѣти.»

(*) Историч. Вѣстн. 1886 г. февр. стр. 393.

монастырь, съ оставленіемъ за нимъ ученыхъ дожностей по Тверской семинаріи". Подобныя же этимъ свѣдѣнія находятся на гравюрахъ портрета преосвященнаго Арсенія, приложенныхъ къ книгамъ, хранящимся въ Тверской соборной библіотекѣ и, вѣроятно, подаренныхъ имъ въ семинарію. (*)

Изъ надписи на этой гравюрѣ обнаруживается, что Арсеній Верещагинъ „родился въ 1736 году 27 января, Василій — въ крещеніи, въ монашествѣ же 1767 года нареченъ Арсеній, епископъ Архангелогородскимъ съ 1773 года декабря 22, Тверскимъ съ 1775 года апрѣля 1 дня".

Всѣ приведенныя нами свѣдѣнія о преосвященномъ Арсеніѣ Верещагинѣ отличаются, какъ видимъ, характеромъ оффиціальности и не выходятъ изъ рамокъ формулярнаго списка.

Тѣмъ драгоцѣннѣе становятся для насъ свѣдѣнія о личности преосвященнаго Арсенія, доставляемыя матеріалами рукописи. Особеннаго вниманія по своимъ біографическимъ указаніямъ касательно личности преосв. Арсенія заслуживаетъ ода, посвященная ему отъ Архангелогородской семинаріи, и нѣкоторые другіе документы. Вотъ наиболѣе важныя для нашей цѣли мѣста этой оды:

(*) Портретъ имѣетъ форму медальона, поставленнаго на каѳедру. Въ ободкахъ медальона вписаны важнѣйшія событія въ жизни преосвященнаго Арсенія. Надъ головою его—аттрибуты архіерейскаго сана —митра, одежды, дикирій и трикирій съ надписью ἄγωθεν. Внизу сплетеніе иниціалъ А. В. Е. Т. На каѳедрѣ—съ правой стороны—свитокъ съ слѣдующимъ текстомъ св. Писанія: «Аще живемъ, аще умираемъ, Господни есмы», Римл. гл. 14, ст. 8; съ лѣвой—двѣ книги. По бокамъ иниціалъ подъ верхней доскою каѳедры слова: virtute et prudentia, а въ пространствѣ каѳедры стихи: «

Въ краткихъ сихъ чертахъ изображенъ Арсеній,

Въ добрыхъ же душахъ онъ будетъ не въ забвеніи. Затѣмъ дата. 1783 года марта 2 дня. Вырѣзалъ А. Галаховъ.

Въ наукахъ первыхъ упражненій
Ему былъ первымъ городъ Тверь;
Онъ въ немъ полезнѣйшихъ ученій
Во внутренность отверзши дверь
И жаромъ къ музѣ воспаленный
Трудъ съ тщаніемъ совокупленный
Весьма охотно полагалъ:
Ему въ семъ дѣлѣ помогалъ
Самъ Богъ— премудрости Податель
И за труды-мздовоздаятель.

* * *

Такъ возрастая онъ лѣтами,
Душою вкупѣ возрасталъ;
И во ученіи плодами
Надежду съ пользой обѣщалъ.
Предъ сверстниками предсѣданье
И большее его познанье
Ту предзнаменовали честь,
Въ которой нынь достойно есть:
То знакомъ было сокровеннымъ,
Что будетъ мужемъ онъ отмѣннымъ.

* * *

Оставивши Тверски предѣлы,
Приходитъ въ лаврскій Геликонъ,
Гдѣ, приходя ужъ въ возрастъ зрѣлый,
Остритъ свое познанье онъ.
Похвально должность исправляетъ,
Приводитъ въ совершенство умъ
Отъ упражненья и отъ думъ.
И за отмѣнно просвѣщенье
Отъ всѣхъ зритъ должное почтенье.

* * *

Но духъ его еще пылаетъ
Ко продолженію наукъ:
Московскихъ хоръ музъ представляетъ
Въ предметъ ему, гдѣ онъ безъ скукъ,
Но съ большею еще охотой
Плѣнясь минервиной добротой,
Ко многимъ знаньямъ прилежалъ
И въ честности жизнь содержалъ.
Такъ заслуживъ знакъ съ похвалою
Опять зовется въ Тверь судьбою.

***

Гдѣ прежде съ тщаньемъ обучался,
Тамъ нынѣ обучаетъ самъ:
Священнымъ жребіемъ достался
Ему наукъ священный храмъ.
Прилежно должность онъ проходитъ
И новые успѣхи вводитъ:
Кратчайшимъ онъ идетъ путемъ
И въ остроуміи своемъ
Даритъ участьемъ порученныхъ,
Любовію къ нему возженныхъ.

***

Достоинство въ немъ созерцаетъ
И, взоры устремивъ своя,
Отсель *правленье* призываетъ
Его въ Британскіе края.
Но Провидѣнье инакъ строитъ
И въ отчествѣ познанье двоитъ;
Премудрости сіянье льетъ:
Разумному препятства нѣтъ
Вездѣ отмѣнно научиться
И къ пользѣ всѣхъ расположиться.

***

Такъ Промыслъ иною дорогой
По счастію его повлекъ,
И предъизбравши къ пользѣ многой
Его всѣмъ-вожделѣнный вѣкъ —
Иную съ именемъ одежду
И къ счастью вѣрную надежду
Отъ высоты даетъ ему.
Онъ состоянью своему
Такъ учинивши перемѣну,
Вступаетъ въ жизнь уединену.

***

Спокойствомъ духа наслаждаясь,
Онъ къ пользѣ общей прилежитъ;
И тщетныхъ мыслей отчуждаясь,
Свой новый освящаетъ видъ.
Тверскимъ Парнассомъ мудро правитъ
И тѣмъ его и градъ весь славитъ.
Въ награду ради сихъ причинъ
Даетъ ему Богъ вышній чинъ
И къ большему приготовляетъ
Труды его благословляетъ.

***

И се ужъ зритъ Петровы стѣны
И правитъ долгъ свой съ похвалой;
И чтитъ судьбу своей премѣны
Монархини съ отличной мздой.
Такъ Промыслъ Божій совершился!
Никто, хотя бы какъ ни тщился,
Не можетъ силой приобрѣсть
Себѣ достойнѣйшую честь:
Одни тѣ только получаютъ,
Которые ея не чаютъ".

***

Соединяя свѣдѣнія, заключающіяся въ приведенныхъ стихахъ оды, съ прежде указанными, и пополняя ихъ другими матеріалами рукописи, мы постараемся воспроизвести по возможности нравственный обликъ преосвященнаго Арсенія и отмѣтить тѣ черты въ его дѣятельности, которыя способствовали улучшенію учебнаго дѣла въ нашей семинаріи.

Можно думать, что условія домашняго воспитанія Арсенія Верещагина весьма благопріятствовали его раннему развитію. По вѣроятному вычисленію, въ семинарію онъ поступилъ въ 1746-мъ году и пробылъ въ ней 8 лѣтъ, а именно—2 года въ фарѣ, инфимѣ и грамматикѣ, годъ въ синтаксимѣ, годъ въ піитикѣ, 2 года въ риторикѣ и 2 года въ философіи. (*) Не смотря на свой еще слишкомъ юный возрастъ, Арсеній Верещагинъ отличался сравнительно съ своими сверстниками „большими познаніями" и имѣлъ, какъ выражается вышеприведенная ода, предъ ними „предсѣданье", то есть былъ однимъ изъ лучшихъ учениковъ семинаріи. Уже это обстоятельство обращало на него общее вниманіе и возбуждало большія надежды. Нужно имѣть въ виду при этомъ, что для Тверской семинаріи время обученія Арсенія Верещагина было временемъ весьма труднымъ, когда въ ней только что начала устанавливаться правильная организація учебнаго дѣла, и ученики мало по малу стали свыкаться съ порядками учебной жизни и пріучать себя подъ вліяніемъ мѣропріятій преосвященнаго Митрофана Слотвинскаго къ жизни трудовой. Нѣтъ сомнѣнія, что семинарское начальство весьма дорожило этимъ юнымъ и даровитымъ своимъ питомцемъ, тѣмъ болѣе что и нравственными своими

(*) Годы ученія въ семинаріяхъ того времени распредѣлены были слѣдующимъ образомъ: курсъ богословія, философіи и риторики продолжался по два года; изъ прочихъ же низшихъ классовъ могли переходить въ высшіе чрезъ полгода или даже по прошествіи трети.

качествами онъ рѣзко выдѣлялся изъ среды своихъ товарищей. „Святый ликъ богоугодныхъ свойствъ“ окружалъ его во все время пребыванія въ семинаріи, по словамъ привѣтствовавшаго его, при вступленіи на Тверскую каѳедру, Кимрскаго протоіерея І. Воинова. „Кто изъ насъ, вашего преосвященства соотечественниковъ, говорилъ онъ, разсматривая самую юность вашу, не найдетъ своимъ желаніямъ удовольствія? Кто, смотря на непреткновенность вашу на самомъ томъ полезномъ пути, на кротость въ тѣхъ лѣтахъ, въ коихъ самовластіе, не достигшее еще разсудительнаго совершенства, стремительныхъ страстей укрощать не умѣетъ, на прилежность вашу во ученіяхъ въ возрастѣ, къ разлѣненію и гулянію удобопреклонномъ; на скромность вашу во времени томъ, слабость отроческихъ мыслей влекущемъ къ безпорядочному продерзкому своевольству,—кто, на все сіе смотря безпристрастно, не предпринималъ съ васъ надежды, заключающей въ себѣ содержаніе общаго блага? Юностный цвѣтъ обѣщалъ отечеству пріятные пользы плоды; возрастала съ лѣтами вашими добродѣтель; предваряла возрастъ вашъ предводительница мудрости прилежность; спутешествовала вамъ честность жизни и постоянство нравовъ; послѣдовала всему времени заслужительница преимуществъ непорочность“. Такъ какъ Тверская семинарія не была еще вполнѣ сформирована и не имѣла богословскаго класса, то Арсеній Верещагинъ въ 1754 году, по окончаніи курса философскихъ наукъ, отправился для довершенія своего образованія въ Троицкую семинарію, гдѣ, также какъ и въ Тверской, онъ заслужилъ отъ всѣхъ „должное почтенье“. Не ограничился Арсеній Верещагинъ и этимъ образованіемъ: любознательность и жажда знанія повлекла его въ Московскую славяно-греколатинскую академію. Прослушавъ здѣсь полный четырехлѣтній курсъ богословскихъ наукъ и „заслуживъ знакъ съ по-

хвалою," въ 1761 году онъ опять „зовется въ Тверь судьбою" и дѣлается учителемъ реторики.

Съ этого времени начинается служба Арсенія Верещагина въ родной ему семинаріи сначала въ званіи преподавателя реторики, за тѣмъ съ 1767 года, по принятіи имъ пострижения въ монашество, въ званіи префекта и учителя философіи и, наконецъ, съ 1769 года въ званіи ректора и учителя богословія. Дѣятельность Арсенія Верещагина въ Тверской семинаріи на столько была замѣтна, что обратила на себя вниманіе высшаго духовнаго начальства, и онъ едва не получилъ командировки въ „британскіе края". Трудно съ увѣренностію сказать, съ какою цѣлію „правленье" намѣревалось послать его въ Англію. Въ исторіи славяно-греко-латинской академіи немало указано случаевъ отправленія ея питомцевъ за границу. Ихъ отправляли обыкновенно для изученія тѣхъ наукъ, которыя были въ слабой степени развиты въ нашемъ отечествѣ, каковы науки философскія, историческія, математическія и физическія. Вполнѣ возможно, что и Арсеній Верещагинъ былъ рекомендованъ бывшимъ въ то время Тверскимъ епископомъ Гавріиломъ, какъ лицо способное для выполненія такой цѣли, тѣмъ болѣе что и въ академіи онъ оставилъ по себѣ добрую память. Что съ цѣлію изученія свѣтскихъ наукъ имѣла состояться его поѣздка въ „британскіе края", намекъ на это заключается, намъ кажется, въ слѣдующихъ словахъ оды:

„Но провидѣнье инакъ строитъ
И въ отчествѣ познанье *двоитъ:* (*)
Разумному препятства нѣтъ
Вездѣ отмѣнно научиться".

(*) Выраженіе оды «познанье двоитъ» указываетъ по всей вѣроятности на основаніе Московскаго Университета, съ учрежденіемъ котораго надѣялись избѣжать нужды отправленія молодыхъ людей за границу.

По какимъ причинамъ не состоялась поѣздка Арсенія Верещагина за границу, свѣдѣній объ этомъ нѣтъ. Вѣроятно онъ самъ отказался отъ этой поѣздки, тѣмъ болѣе что вскорѣ послѣ этого онъ принялъ и постриженіе въ монашество.

Не смотря на значительный періодъ дѣятельности Арсенія Верещагина въ Тверской семинаріи, матеріалы рукописи даютъ намъ самыя краткія и общія свѣдѣнія о ней. Но при всей краткости этихъ свѣдѣній, они прекрасно обрисовываютъ личность Арсенія Верещагина съ его неутомимымъ стремленіемъ къ просвѣщенію духовнаго юношества и его отеческимъ попеченіемъ о питомцахъ семинаріи. Вышепомянутый протоіерей І. Воиновъ такъ характеризуетъ учительскую дѣятельность Арсенія Верещагина. „Мудрый посредственникъ человѣческаго просвѣщенія и общаго блаженства, предъобучая себя къ верховнѣйшему строительству Христова дома, не удержалъ безъ пріобрѣтенія какъ съ неба ниспосланныхъ, такъ и трудами притяженныхъ талантовъ: ему же научился еси нелестно, преподалъ еси независтно. Трудами и попеченіемъ вашимъ видимъ мы не только многихъ изъ глубокаго невѣжества извлеченныхъ, но и просвѣщенныхъ и могущихъ иныя научити во спасеніе, и уста наша, извѣдшая честное отъ недостойнаго, орудіемъ устъ благихъ именующихъ. Подвиги ваши въ преподаваніи душеспасительныхъ наукъ столь вниманіе всѣхъ на себя обращали, и польза отъ нихъ происходящая такъ была примѣчательна, что отложеніе сего за нихъ мздовоздаянія казалось быть весьма медлительнымъ“. На плодотворную дѣятельность Арсенія Верещагина въ званіи учителя указывается и въ слѣдующихъ стихахъ оды, сочиненной однимъ изъ преподавателей семинаріи и поднесенной ему при вступленіи на Тверскую каѳедру:

„Не вы-ль, о музы, сплетали
Еще тогда ему вѣнцы,
Какъ громко разглашали
Дѣла его во всѣ концы?
Когда имъ дѣти просвѣщенны
И въ знаньи твердомъ укрѣпленны
Въ градахъ и селахъ стали быть
Учители закона, вѣры
И добродѣтелей примѣры,
Чтобъ тьму невѣжства отвратить“.

Какъ на особенность дѣятельности Арсенія Верещагина посвященная ему отъ Архангельской семинаріи ода указываетъ на то, что, состоя преподавателемъ Тверской семинаріи, онъ „вводилъ новые успѣхи“ и шелъ въ этомъ дѣлѣ „кратчайшимъ путемъ“. Что разумѣется въ ней подъ „новыми успѣхами“ и „кратчайшимъ путемъ“, сказать трудно. Судя по документамъ рукописи, во второй половинѣ 18 ст. въ Тверской семинаріи въ значительной степени процвѣтаетъ языковѣдѣніе. Кромѣ латинскаго и греческаго языковъ, въ ней преподаются языки французскій, нѣмецкій и даже корельскій. При звѣстномъ уже стремленіи Арсенія Верещагина къ просвѣщенію своихъ питомцевъ, не будетъ ничего невѣроятнаго въ предположеніи, что на изученіе новѣйшихъ языковъ онъ смотрѣлъ, какъ на одно изъ самыхъ дѣйствительныхъ средствъ къ самообразованію воспитанниковъ семинаріи, и что послѣдняя своими успѣхами въ языковѣдѣніи главнымъ образомъ обязана его заботамъ. Но на ряду съ развитіемъ языкознанія, въ Тверской семинаріи замѣчается и другое явленіе, повидимому противоположное первому, но за то въ высшей степени гармонирующее съ стремленіями Арсенія Верещагина. Такимъ явленіемъ было—желаніе освободиться отъ преобладающаго положенія въ дѣлѣ

преподаванія языка латинскаго. Уже при преосвященномъ Гавріилѣ, бывшій въ то время ректоръ Макарій Петровичъ, проживая въ Желтиковѣ монастырѣ, читалъ въ стѣнахъ этого монастыря стекавшимся къ нему семинаристамъ и другимъ стороннимъ слушателямъ лекціи по Богословію на русскомъ языкѣ. Послѣ смерти Макарія Богословіе нѣкоторое время на русскомъ же языкѣ преподавалъ самъ преосвященный Гавріилъ Понятно, какъ не далека была отсюда мысль касательно преподаванія на русскомъ языкѣ и всѣхъ прочихъ наукъ. Мысль эта дѣйствительно носилась въ тогдашней семинарской жизни и ей, несомнѣнно, сочувствовала корпорація преподавателей. Косвеннымъ образомъ сочувствіе это выразилось между прочимъ въ рѣчи отъ семинарской корпораціи въ день тезоименитства Платона. Авторъ рѣчи въ особенную заслугу преосвященному Платону ставитъ то, что изданнымъ имъ Богословіемъ всѣ могутъ пользоваться, „да что еще превосходнѣе, прибавляетъ онъ, на природномъ языкѣ“. Но особенно рельефно выразилась мысль о замѣнѣ преподавательскаго латинскаго языка русскимъ въ вышеприведенномъ „воплѣ купецкихъ и разночинческихъ дѣтей“. Вопль этотъ, обращенный къ преосвященному Платону отъ лица иносословныхъ дѣтей и писанный рукою слушателя семинаріи былъ какъ бы анонимнымъ протестомъ семинарской корпораціи противъ латинскаго языка. По крайней мѣрѣ и содержаніе этого документа и внѣшнее его построеніе указываютъ на составителя болѣе опытнаго, чѣмъ слушатель семинаріи. А такимъ человѣкомъ, вполнѣ сознававшимъ всѣ неудобства обученія на латинскомъ языкѣ, могъ быть Арсеній Верещагинъ больше, чѣмъ кто либо другой. Вполнѣ возможно также, что, по примѣру своего предшественника, онъ если не оффиціально, то частнымъ образомъ преподавалъ на русскомъ языкѣ не только Богословіе, но и другіе

предметы. Вотъ что нужно разумѣть, намъ кажется, подъ новыми успѣхами“ и „кратчайшимъ путемъ“ оды, характеризующей учительскую дѣятельность Арсенія Верещагина.

Дѣятельность Арсенія Верещагина не ограничивалась заботами о возможно лучшей постановкѣ учебнаго дѣла въ семинаріи. Немало, вѣроятно, озабочивался онъ и изысканіемъ средствъ для содержанія бѣднѣйшихъ и лучшихъ своихъ питомцевъ. Замѣчательное свидѣтельство касательно этой стороны его дѣятельности мы находимъ въ рѣчи учителя поэзіи Тимоѳея Ильинскаго. „Что великодушные благодѣтели весьма много споспѣшествуютъ благополучію покровительствуемыхъ, говорилъ онъ при возведеніи въ санъ священника въ 1777 году, то я на самомъ себѣ ясно вожделѣннымъ дознадъ опытомъ.... Все то, что составляетъ мое блаженство, кому я по справедливости приписать долженъ, какъ не святительской особѣ вашей? Ваше преосвященство удостоивали меня изъ одного великодушія своихъ благодѣяній во всякое время обращенія моего въ наукахъ. Я еще въ самомъ отрочествѣ началъ въ ономъ имѣть участіе. Основаніямъ христіанскаго благочестія изъ вашихъ устъ я научился.... Я не могу вспомянуть безъ усладительной перемѣны то вожделѣнное время, когда я находился въ числѣ тѣхъ счастливыхъ питомцевъ, для просвѣщенія коихъ къ общему удивленію вы истощали свои силы. Въ юношествѣ пріобрѣлъ я нѣкоторое искусство изъяснять мысли порядочнымъ слогомъ, снискалъ знаніе истинъ естественныхъ и откровенныхъ. И сіе есть плодъ благоснисходительнѣйшаго отношенія вашего. Смѣлъ я тогда хвалиться и особеннымъ вашимъ благоволеніемъ, когда къ безпрепятственному прохожденію въ наукахъ благоизволили милостиво доставить мнѣ должное содержаніе“.

Таковъ былъ Арсеній Верещагинъ въ званіи преподава-

теля и начальника семинаріи. Такимъ же остался онъ и послѣ возведенія его въ санъ епископа Архангельскаго. Не смотря на кратковременное управленіе этой епархіей, онъ и здѣсь успѣлъ многое сдѣлать для семинаріи. Архангельская семинарія была моложе Тверской и ко времени управленія преосвященнаго Арсенія имѣла только реторическій классъ. Открытіе слѣдующаго философскаго класса состоялось при преосвященномъ Арсеніи 15 іюля 1774 года и, какъ видно изъ документовъ, описывающихъ торжество при открытіи этого класса, при дѣятельномъ участіи преосвященнаго. Всѣ произнесенныя на этомъ торжествѣ рѣчи, оды, стихи направлены къ прославленію его за покровительство наукамъ. „Если бы мѣсту сему, говорится въ рѣчи отъ высшихъ и низшихъ классовъ, языкъ и уста дозволены были, то оно безъ сомнѣнія проговорило бы: нынѣ я пріемлю пріявшаго меня въ свое покровительство; содержу содержащаго въ своемъ защищеніи и радуюся присутствіемъ того, который обрадовалъ меня насажденіемъ новыхъ и благонадежныхъ ученій“. Едва-ли не будетъ справедливо предположеніе, что преосвященный Арсеній взялъ съ собою изъ Твери по крайней мѣрѣ одного преподавателя. Къ этой мысли приводитъ насъ какъ содержаніе поднесенной ему отъ Архангельской семинаріи оды, сочиненной, очевидно, человѣкомъ до подробностей знакомымъ съ обстоятельствами жизни преосвященнаго Арсенія, такъ и то, что авторъ ея Иванъ Полубенскій, бывшій въ Архангельской семинаріи учителемъ піитики и реторики, является въ послѣдствіи учителемъ піитическаго класса въ Тверской семинаріи.

Въ санѣ епископа Архангельскаго преосвященный Арсеній состоялъ съ небольшимъ годъ. Въ 1775 году 3 марта послѣдовало перемѣщеніе его на Тверскую каѳедру. Тверь съ большою радостію привѣтствовала назначеніе достойнаго

преемника знаменитому Платону. Нравственная личность преосвященнаго Арсенія стояла во мнѣніи Тверитянъ такъ высоко; его труды по образованію духовнаго юношества были такъ извѣстны, что уже это одно возбуждало въ нихъ большія надежды. Въ назначеніи его Тверскимъ епископомъ видѣли особенное дѣйствіе промысла Божія. „Могла-ль высочайшая та власть, зависящая волею и строеніемъ отъ воли Всевышняго, говорилъ протоіерей І. Воиновъ, благонамѣренное что учинити, какъ чтобъ вы на томъ мѣстѣ вѣнецъ получили, гдѣ всѣ ваши подвиги отъ юности положены, и къ подражанію соотчичамъ вашимъ были живымъ и возбудительнымъ примѣромъ: старикамъ, чтобъ они, имѣвше прежде васъ въ простомъ вмѣненіи, а теперь яко владыкѣ своему благоговѣя, и сами дѣтей своихъ въ прочихъ и выгодныхъ ученіяхъ воспитовать не пренебрегали; молодымъ, чтобъ они похвальнымъ и честь себѣ заслужившимъ качествамъ сообразовались; прилежнымъ чтобъ они вящшее поощреніе имѣли и къ мѣтѣ своего благополучія тщаливѣе напрягали труды свои; нерадивымъ и холоднымъ, чтобъ стыдилися съ воззрѣнія на живой примѣръ награжденныхъ трудовъ и добродѣтели, и согрѣвали сердца свои къ попеченію о добрѣ общемъ.

Нѣтъ ничего удивительнаго послѣ этого, что встрѣча преосвященнаго Арсенія отличалась особенною торжественностію и сердечностію. Авторъ поэмы „Тверь“ слѣдующимъ образомъ описываетъ эту встрѣчу:

„И се приходитъ въ Тверь любезнѣйшій Арсеній;
Исполненый нося духъ всѣхъ благотвореній,
Желанныхъ хоръ красотъ съ собой туда ведетъ.
Съ какимъ веселіемъ на срѣтенье идетъ
Тверскихъ сыновъ соборъ; какъ сладостно взираетъ
На архипастыря и духъ свой ободряетъ!
Съ стремленьемъ всякъ спѣшитъ другъ другу путь пресѣчь“.

Признательность къ преосвященному Арсенію за его труды для просвѣщенія духовнаго юношества Тверской епархіи выразилась между прочимъ въ томъ фактѣ, что къ 6 августу для встрѣчи его изъ уѣздовъ въ Тверь собрались нѣкоторыя духовныя лица—вѣроятно бывшіе ученики и товарищи преосвященнаго Арсенія,—между которыми, какъ видимъ, особенно отличается Кимрскій протоіерей Іоаннъ Іоанновъ Воиновъ. (*)

Авторъ поэмы „Тверь“ влагаетъ въ уста преосвященнаго Арсенія слѣдующую рѣчь, съ которою онъ обратился къ своей новой паствѣ:

„Я радуюсь теперь, что зрю тѣхъ предъ собою,
Которы вручены мнѣ Вышняго судьбою.
Едино отчество есть Тверь и мнѣ и вамъ;
Въ васъ православію я есмь свидѣтель самъ.
Вы церкви всей святѣй имѣете покорность;
Не слышна здѣсь была противъ ея упорность.
При радости-жъ такой отъ сердца приношу
Всевышнему хвалу, и отъ Него прошу
Чтобъ въ томъ васъ укрѣпилъ, а мнѣ подалъ бы крѣпость
Управить въ царство васъ и отражать свирѣпость
Тѣхъ хитростныхъ звѣрей, что всюду строятъ кознь
И силятся разгнать Христово стадо врознь“.

Съ особенною радостію привѣтствовала преосвященнаго Арсенія Тверская семинарія. Кромѣ участія въ общей торжественной встрѣчѣ 6 августа, семинарія 29 сентября вто-

(*) Среди рукописей и книгъ, принадлежащихъ Тверскому Музею, находится сочиненіе съ слѣдующимъ заглавіемъ: «Христіанинъ пришлецъ земной. Въ пользу благочестивыхъ христіанъ съ иностраннаго на Россійскій языкъ переведено Тверской епархіи Кашинскаго уѣзда священникомъ Іоанномъ Іоанновымъ 1769 г. Издана книга въ 1771 г.

рично праздновала вступленіе его на Тверскую каѳедру устройствомъ философскаго диспута. При томъ и другомъ случаѣ преосвященный Арсеній былъ привѣтствованъ одами, стихами и рѣчами. Въ этихъ произведеніяхъ семинарія напоминала ему о его юношествѣ, когда онъ „ученіемъ Минервы спозналъ,

Какъ мысли выражать
Порядочно, красно и стройно;
Что дожно, истинно, достойно
Душѣ разумной раздѣлять".

Затѣмъ напоминала о его трудахъ въ званіи начальника семинаріи, когда онъ,

„Незрѣлы вѣтви окропляя
Росой животворящихъ словъ,
Плодотворилъ и прохлаждалъ;
Младымъ тѣ истины внушалъ,
Что доставляетъ естество
Для смертныхъ жизни благоденства;
Что для небеснаго блаженства
Открыло вѣчно божество".

Въ привѣтственныхъ рѣчахъ семинарія выражала искреннюю радость по поводу выпавшаго на ея долю жребія. „Жребій, коего судьба насъ милостиво удостоиваетъ, говорится въ одной изъ этихъ рѣчей, наполняетъ сердца наши чувствительною радостію и сладкимъ удовольствіемъ; надежда, которая питала и питаетъ духъ нашъ, о достиженіи совершеннаго степени благополучія подъ мудрымъ архипастырскимъ вашего преосвященства правленіемъ получила свое событіе. Прозорливая вашего преосвященства мудрость и неусыпные труды о приращеніи наукъ кому недовольно извѣстны? Съ пріятнымъ удовольствіемъ напоминаетъ каждый протекшее то

время, въ которое имѣлъ прежде счастіе пользоваться милостями, по неусыпному вашему попеченію благожеланнымъ наслаждаясь состояніемъ.“

Въ продолженіе восьмилѣтняго управленія своего Тверской епархіей преосвященный Арсеній дѣйствительно оправдалъ надежды семинаріи и по всей справедливости заслужилъ названіе „наукъ изящнѣйшихъ любителя и покровителя, попечителя и мецената особеннаго въ оныхъ упражняющихся“ Свойство документовъ рукописи не даетъ, правда, возможности съ опредѣленностію указать, что именно сдѣлалъ преосвященный Арсеній для образованія духовнаго юношества Тверской епархіи, (*) но и изъ тѣхъ общихъ выраженій, которыя встрѣчаются въ рѣчахъ и стихахъ, обязательно въ каждый праздникъ посвящавшихся преосвященному Арсенію отъ преподавателей и учениковъ, видно, что онъ неусыпно заботился какъ о благоустройствѣ учебнаго дѣла въ семинаріи, такъ и матеріальномъ обезпеченіи учащихся. «Ваше благоволеніе къ упражняющимся въ наукахъ, говорится въ поздравительной рѣчи на день св. Пасхи 1777 г., наполняетъ насъ чисто сердечнымъ къ вамъ благодареніемъ; мудрое ваше правленіе составляетъ наше утѣшеніе; *благоразумныя ваши учрежденія въ разсужденіи наукъ* доказываютъ ваше неусыпное попеченіе и сколько благополучіе наше вамъ пріятно.» „Мы и питомцы сіи, говорится въ другой рѣчи, долгъ нашъ исполнили, но не знаемъ, сораз-

(*) Въ книгѣ «Біографіи Тверскихъ іерарховъ» указывается на открытіе преосв. Арсеніемъ духовнаго училища въ г. Бѣжецкѣ въ 1776 г. и новоустроеннаго дома для семинаріи въ 1777 году. Домъ этотъ находился близъ нынѣ существующей Никольской церкви, не подалеку отъ берега Волги, и былъ выстроенъ по Высочайшему повелѣнію на сумму 15,000 руб., выданную изъ казны по ходатайству преосвященнаго Платона,

мѣренъ-ли онъ есть тѣмъ архипастырскимъ вашимъ благодѣяніямъ, которыми повсечастно семинарія одолжается и осчастливливается. Нѣтъ, по истинѣ не можемъ равнаго принесть благодаренія онымъ. Кому изъ насъ не извѣстно, сколько благоволите изыскивать средствъ прозорливостію вашею къ достиженію желаннаго конца; сколько благоволите имѣть попеченія о возвышеніи счастія каждаго изъ насъ. Счастлива Тверская семинарія, что имѣетъ такого архипастыря мудраго, прозорливаго и попечительнѣйшаго покровителя!" Съ особенною сердечностію относился преосвященный Арсеній къ бѣднѣйшимъ ученикамъ семинаріи, при всякомъ случаѣ оказывая имъ свои милости. Такое отношеніе преосвященнаго Арсенія вызывало со стороны учениковъ выраженіе искреннихъ сыновнихъ чувствъ. Въ своихъ стихахъ они называли его не иначе какъ отцомъ:

«Благоволи принять отъ чадъ твоихъ, отецъ,
Которыхъ бѣдну часть щедротой покрываешь
И всѣ несчастія премудро отвращаешь.»

Такъ благодарили его контуберналисты (бурсаки) „за оказаніе имъ во время св. Пасхи милости, по принятіи поздравительныхъ приношеній."

Какъ „наукъ изящнѣйшихъ любитель" преосвященный Арсеній оказывалъ особенное покровительство семинарской музѣ-поэзіи. Изъ времени его управленія Тверскою и Ростовскою епархіями сохранилось множество стиховъ, кантовъ, одъ, въ составленіи коихъ упражнялись не только ученики семинаріи, но и епархіальное духовенство, при чемъ многія изъ этихъ произведеній полагались на ноты. (*) Поощряя занятіе стихосложеніемъ, преосвященный Арсеній и самъ при случаѣ принималъ участіе въ исправленіи ученическихъ

(*) Историч. Вѣстн. 1886 г. февр стр. 396.

произведеній. Такъ, въ кантахъ и одахъ, приготовленныхъ Тверскою семинаріею для встрѣчи Императрицы Екатерины II, Наслѣдника Павла Петровича съ супругою Натальею Алексѣевною и членовъ Св. Синода встрѣчается немало исправленій и сокращеній, сдѣланныхъ рукою преосвященнаго Арсенія, иногда съ похвалою сочинителямъ (*) Такое вниманіе преосвященнаго Арсенія къ занятію учениковъ стихосложеніемъ могло производить благотворное вліяніе на воспитанниковъ семинаріи, побуждало ихъ усугублять свои занятія, и глубоко запечатлѣвалось въ ихъ сердцахъ. Питомцамъ семинаріи принадлежитъ, несомнѣнно, какъ идея вышеописанной гравюры портрета преосвященнаго Арсенія, такъ и находящагося подъ нею двустишія, въ которомъ кратко, но выразительно указано значеніе преосвященнаго Арсенія для Тверской семинаріи.

(*) На одномъ изъ документовъ рукописи находится слѣдующая рецензія преосвященнаго Арсенія: «дать выучить. А рѣчи и кантъ хороши, и сочинитель имѣетъ похвалу, кто онъ ни есть.» Другія замѣчанія отличаются краткостію, въ родѣ того напр. «все въ отставку,» переправить реторицкому, «годится, можно учить» и т. под. Нѣкоторые стихи совершенно исправлены рукою преосвященнаго. Такъ въ кантѣ Императрицѣ одинъ изъ стиховъ исправленъ слѣдующимъ образомъ:

Подлинникъ.	*Исправлено.*
«Богъ, кой всѣхъ насъ промышляетъ	«Богъ, кой всѣхъ насъ промышляетъ
Монархиню въ вѣкъ да хранитъ;	Россію любитъ и хранитъ,
Богъ, что противныхъ сокрушаетъ,	Монархиню да укрѣпляетъ,
Престолъ ея да утвердитъ	Престолъ ея да утвердитъ:
И да подастъ ей благоденство;	Любезнымъ миромъ съ благоденствомъ,
Умножитъ Россовъ совершенство	Съ желаннымъ Россовъ совершенствомъ
До позднѣйшихъ родовъ.»	До позднѣйшихъ родовъ.»

Изъ обозрѣнія документовъ рукописи нельзя не видѣть, что Тверская семинарія, получивъ свое начало отъ преосвященнаго Митрофана Слотвинскаго, быстро пошла по пути своего усовершенствованія и внутренняго роста. Подъ вліяніемъ мѣръ преосвященнаго Митрофана духовенство мало по малу стало примиряться съ мыслію о необходимости образованія для своихъ дѣтей, хотя все еще продолжало потворствовать ихъ лѣности, не вполнѣ очевидно сознавая происходящую отъ науки пользу. Но на первыхъ порахъ достаточно было и этого. Преосвященные Гавріилъ и Платонъ—первый своимъ непосредственнымъ участіемъ въ преподаваніи богословскихъ наукъ и окончательнымъ сформированіемъ семинарскаго курса, второй благоразумными распоряженіями касательно улучшенія учебнаго дѣла и широкою попечительностію о матеріальномъ обезпеченіи семинаріи,—не только успѣли уничтожить равнодушное отношеніе духовенства къ образованію, но и вкоренили въ него любовь къ наукѣ. Къ этому времени относится весьма важное, отмѣчаемое документами рукописи извѣстіе о томъ, что воспитанные подъ руководствомъ Арсенія Верещагина, бывшаго при преосвященномъ Платонѣ ректоромъ, питомцы семинаріи „стали быть учители закона, вѣры и добродѣтелей примѣры" не только въ городахъ, но и селахъ. Но полнаго своего расцвѣта Тверская семинарія достигла во время управленія епархіею преосвященнаго Арсенія. Въ своемъ учебномъ курсѣ

Или еще въ стихахъ членамъ Св. Синода:

«О сколь видѣніе прекрасно	«О сколь видѣніе прекрасно
Намъ зрѣть прещедраго отца!	Намъ зрѣть прещедраго отца!
Блажимъ въ веселіи стократно	То больше чувствуютъ стократно
Себя, не знавъ утѣхъ конца.	Сердца, сыновскія сердца.
Подъ тѣнью кроясь твоею	Нашъ благодарный духъ свидѣтель,
Хвалились жизнію своею.»	Что ты отецъ и благодѣтель.»

въ это время она не уступала не только Троицкой семинаріи, куда въ былое время воспитанники ея посылались для усовершенствованія въ образованіи, но и славяно-греко-латинской академіи. Замѣчательное, хотя и косвенное свидѣтельство касательно этого мы находимъ въ письмахъ бывшаго ученика семинаріи, знаменитаго впослѣдствіи протоіерея Осташковскаго собора А. Н. Колоколова. (*) Въ одномъ изъ писемъ къ отцу своему отъ 25 генваря 1787 года, убѣждая его дозволить младшему брату Димитрію поступить въ университетъ, онъ между прочимъ писалъ: „можно ему еще года два или съ половиною поучиться. Но гдѣ-жъ? Въ академіи здѣшней? Вы хотите такъ. Но послушайте правды. Въ академіи обучаться нечему. Богословіе также преподается, какъ и въ Твери. И что за учитель, хотя бы онъ былъ и архимандритъ и ректоръ. Словомъ: пропадетъ время въ академіи. Пусть братецъ въ Твери останется, нежели чтобъ ѣхалъ сюда въ академію, въ академію, въ которой нѣтъ музъ истинныхъ. Чего вы изволите бояться университета?“ Такъ высоко стояла Тверская семинарія по своему учебному курсу въ ближайшее послѣ преосвященнаго Арсенія время.

Само собою понятно, что такое состояніе учебнаго дѣла въ Тверской семинаріи, завися отъ дѣятельности преемственно слѣдовавшихъ другъ за другомъ архипастырей, не въ малой степени зависѣло также и отъ дѣятельности семинарскихъ преподавателей, отъ господствовавшихъ среди ихъ педагогическихъ воззрѣній на учебное дѣло. Среди документовъ руко-

(*) Личность протоіерея А. Н. Колоколова замѣчательна во многихъ отношеніяхъ. Въ нашемъ распоряженіи находится немало документовъ, касательно его воспитанія, жизни и дѣятельности, свидѣтельствующихъ о его близкихъ сношеніяхъ съ тогдашними масонами и кружкомъ Новикова.

писи весьма немаловажный интересъ для характеристики постановки учебнаго дѣла въ семинаріяхъ XVIII ст. представляетъ уже упомянутая рѣчь о „пользѣ наукъ.“ Рѣчь эта замѣчательна тѣмъ именно, что обнаруживаетъ господствовавшіе среди тогдашнихъ семинарскихъ педагоговъ взгляды какъ на воспитаніе вообще, такъ и на значеніе каждой науки въ системѣ образованія въ частности, и начертываетъ тѣ цѣли, къ осуществленію коихъ они стремились въ своей преподавательской дѣятельности. Вотъ наиболѣе характерныя для нашей цѣли выдержки изъ этой рѣчи.

„Сколь пріятно душѣ человѣческой совершенство свое, столь важенъ и превосходенъ долженъ быть и способъ тотъ, которымъ совершенство души снискивается; а сей способъ суть науки или просвѣщеніе врожденныхъ дарованій человѣческихъ.

Изъ всѣхъ свободныхъ наукъ, которыя въ ученыхъ обществахъ процвѣтаютъ, каждая клонится къ поправленію душевныхъ способностей, или къ умноженію ихъ, или къ наклоненію воли къ тѣмъ дѣйствіямъ, которыя человѣкъ хранить долженъ безъ нарушенія превосходства души своей. И какъ благосостояніе людей основаніе свое имѣетъ на познаніи всего того, что человѣку знать нужно или полезно и на прямомъ воли человѣческой направленіи; то слѣдственно и науки не что иное, какъ сіе за основаніе и предметъ себѣ имѣютъ, и всякая наука служитъ или для просвѣщенія ума и для изысканія способовъ пользоваться и увеселять, или для приведенія человѣка въ такой порядокъ, чтобъ онъ все то исполнять тщился, что ему самому и всему человѣчеству полезно и Богу не противно; а напротивъ убѣгать всего того, что ко вреду и къ погибели ему служитъ и къ раздраженію безстрастнаго Бога.

И такъ по различію вещей и предметовъ, которые чело-

вѣку знать или нужно, или полезно, или съ честностію увеселительно различное есть наукъ раздѣленіе: ибо душа человѣческая вдругъ всего вмѣстить не можетъ; а при томъ, если бы просвѣщеніе ея происходило безпорядочно, то тѣмъ большее ей причинилось бы потемнѣніе. Самый опытъ доказываетъ, что понятіе развлеченное на многіе предметы, всегда остается слабымъ и неосновательнымъ. И потому почтенная древность находила въ томъ нужду, чтобъ для лучшаго установленія порядка наукъ раздѣлить ихъ на извѣстные роды, и тѣмъ къ просвѣщенію показать удобнѣйшій путь.

То ученіе, которое научаетъ человѣка истинному Богопознанію, имѣетъ нѣчто отъ прочихъ наукъ различное. Ибо въ немъ единственно видимъ истины, содержащія въ себѣ непоколебимыя доказательства о бытіи превѣчнаго Бога; въ немъ видимъ самое наилучшее изображеніе свойствъ и совершенствъ Божескихъ съ полезнѣйшимъ предписаніемъ, какія человѣкъ долженъ брать мѣры во всѣхъ жизни своей случаяхъ, разсуждая о бытіи Бога и совершенствахъ Его; въ семъ ученіи видимъ прямыя правила благочестія, безъ котораго человѣкъ при всѣхъ своихъ совершенствахъ есть недостаточенъ; въ немъ видимъ точное увѣреніе въ будущей вѣчно-блаженной жизни и сильное ободреніе къ добродѣтели; въ немъ видимъ наставленія нужныя и для сущаго христіанина и для добраго гражданина; въ немъ созерцаемъ неизслѣдимыя таинства и откровенія, и тѣмъ сочувствуемъ, коль великой человѣкъ отъ Бога удостоился чести; въ немъ ясные и крѣпкіе видимъ доводы, которыми, если паче чаянія страсть будетъ усиливаться, благочестіе и защитить и въ непоколебимости оставить можно. А сего что важнѣе?

Въ порядкѣ наукъ еще видимъ науку, которая разумъ въ такое совершенство приводитъ, что удобно можетъ распознавать причины вещей. Сія наука столь обильна и богата, что и прочимъ знаніямъ дары свои раздѣляетъ. Она свѣтомъ

врожденной человѣку умствовать способности проникаетъ—и сокровенныя отъ чувствъ нашихъ истины и правильно научаетъ человѣка, чтобъ онъ какъ мысли свои обращалъ порядочно, такъ и жизнь свою соображалъ съ закономъ естественнымъ. Она обуздываетъ нравы человѣческіе и, изъясняя законъ естественный, прекрасно разсуждаетъ о всѣхъ за добродѣтель награжденіяхъ и за пороки наказаніяхъ, которыя тѣмъ болѣе въ человѣка впечатлѣваетъ, чѣмъ болѣе снисканіе благополучія за предметъ себѣ имѣетъ. Въ ней довольно изображено безсмертіе души нашей на основаніи и возможности сему, и благости Божіей, и должнаго возмездія за дѣла, которое въ сей жизни совершенно не получается. Она право естественное представляетъ столь превосходно, что всѣ законы и уставы на ней утверждаются. Она преподаетъ правила, какимъ образомъ всякой долженъ обращаться въ общежитіи человѣческомъ и какія должности въ разсужденіи Бога, въ разсужденіи ближняго и въ разсужденіи самаго себя хранить обязанъ.

Въ великолѣпномъ храмѣ музъ кромѣ сихъ отмѣннѣйшихъ наукъ еще многоразличныя суть знанія, изъ которыхъ каждое особливую свою пользу имѣетъ. Краснорѣчіе, которое во всѣхъ жизни случаяхъ необходимо нужно, поставляетъ, какимъ образомъ, если того нужда будетъ требовать, преклонять сердца и плѣнять въ храмъ добродѣтелей и учинять отвращеніе отъ пороковъ. Оно въ святой церкви и при высокихъ царскихъ дворахъ мѣсто, цѣну и уваженіе свое имѣетъ, и посредствомъ его нерѣдко великая польза обществамъ доставляется. Оно кромѣ прочихъ безчисленныхъ выгодъ сообщаетъ свѣдѣніе о всемъ прежде бывшемъ и, повѣствуя о разныхъ людей и обществъ перемѣнахъ и многоразличныхъ достопамятныхъ вещахъ, нечувствительно съ увеселеніемъ вкладываетъ въ мысль и сердце человѣку любовь къ честности и омерзеніе къ противному тому, и открываетъ

то, что безъ него осталось бы подъ вѣчнымъ мракомъ невѣдѣнія. Оно, прославляя древнихъ мужей добродѣтели и славныя дѣла, всѣмъ внимающимъ ему вливаетъ духъ и желаніе къ подражанію.

Но число наукъ симъ еще не окончится. Вотъ и еще представляется на разсужденіе наше не меньше полезное, сколько и увеселительное знаніе поэзіи, катория какъ бы орудіемъ есть прославленія добродѣтели. Въ ней размѣрный и отборный слогъ привлекаетъ всякаго къ чтенію и объясненію тѣхъ мыслей, какія имъ излагаются; въ ней съ удовольствіемъ можно видѣть гремящія слова и выраженія, которыя слушателя поражаютъ; въ ней подъ тѣнію пріятности нерѣдко наиполезнѣйшія наставленія предлагаются. Она въ восхищеніе приводитъ умъ человѣческій и влечетъ во слѣдъ добродѣтели съ немалымъ успѣхомъ. Изобразить не можно, сколь великое чувствуемъ движеніе, когда какое нибудь отмѣнное и важное слышимъ дѣло или разсужденіе ею украшенное."

Какъ изъ общихъ основаній рѣчи, такъ и частной характеристики каждой науки, входившей въ систему семинарскаго образованія прошлаго столѣтія, нельзя не усмотрѣть двухъ особенностей, которыми отличалось обученіе въ семинаріяхъ. Первою особенностію было—стремленіе къ формальному развитію питомцевъ. Преподаваніе всѣхъ предметовъ „клонилось, какъ выражается авторъ рѣчи, къ поправленію душевныхъ способностей, къ умноженію ихъ и къ наклоненію воли къ тѣмъ дѣйствіямъ, которыя человѣкъ хранить долженъ безъ нарушенія превосходства души своей; ставилось цѣлію не сообщеніе массы познаній, при которомъ познанія „остаются слабыми и неосновательными" и вмѣсто „просвѣщенія души причиняютъ потемнѣніе, но усовершенствованіе врожденныхъ способностей. Весьма стройная система распредѣленія наукъ по классамъ, соотвѣтствіе ея съ періодами умственнаго развитія и самый характеръ преподаванія, какъ нельзя лучше

содѣйствовали достиженію цѣлей формальнаго развитія. Руководствуясь указаніями древности, семинаріи, для лучшаго установленія порядка наукъ, раздѣляли ихъ на главныя, то есть, наиболѣе содѣйствующія достиженію означенной цѣли, и второстепенныя. Главными предметами, на которыхъ сосредоточивалось преимущественное вниманіе преподавателей были богословіе, философія, краснорѣчіе и поэзія. Начиная съ усвоенія познанія „на сколько увеселительнаго, на столько же и полезнаго,“ семинарское образованіе постепенно возводило своего питомца къ познанію болѣе отвлеченному—философскому и такимъ образомъ приготовляло его къ принятію откровеннаго ученія въ богословіи. Всѣ другія науки имѣли второстепенное значеніе и на столько входили въ семинарскую программу, на сколько онѣ могли содѣйствовать достиженію общей цѣли. Принципъ распредѣленія наукъ соотвѣтственно съ періодами умственнаго развитія воспитанниковъ наблюдался и въ отношеніи наукъ второстепенныхъ. Такъ, исторія соединялась съ краснорѣчіемъ, а математика, какъ наука болѣе отвлеченная, съ философіей. (*)

(*) Замѣчательно, что рѣчь только намеками указываетъ на присутствіе въ курсѣ семинарскаго образованія наукъ второстепенныхъ. Не упоминается въ ней и о тѣхъ предметахъ, которые преподавались въ низшихъ классахъ семинаріи—въ фарѣ, инфимѣ и др. Ясно, что уже въ это время въ достаточной степени опредѣлился тотъ типъ семинарскаго учебнаго курса, который свое окончательное завершеніе получилъ въ реформѣ духовно-учебныхъ заведеній 1808 года, съ тѣмъ только различіемъ, что поэзія и краснорѣчіе, преподававшіяся прежде въ отдѣльныхъ классахъ, по реформѣ 1808 г. были соединены въ одинъ двухгодичный курсъ подъ общимъ именемъ риторики. Въ виду такой тѣсной связи реформы духовно-учебныхъ заведеній въ 1808 г. съ воззрѣніями семинарскихъ педагоговъ прошлаго столѣтія, считаемъ не безъинтереснымъ привести здѣсь отзывъ о школьной системѣ, усвоенной этою реформою, изъ книги подъ заглавіемъ: «Изъ пережитаго.» «Глубокій, глубочайшій смыслъ лежалъ въ старой школьной системѣ, говоритъ авторъ воспо-

Второю особенностію семинарскаго образованія прошлаго столѣтія была неразрывная связь обученія съ воспитаніемъ. Направляя преподаваніе къ развитію и укрѣпленію формъ мышленія своихъ питомцевъ, семинаріи заботились въ тоже время привести ихъ „въ такой порядокъ, чтобъ они все то исполнять тщились, что имъ самимъ и всему человѣчеству полезно и Богу непротивно,“ то есть, старались дать имъ такое направленіе, которымъ бы опредѣлялся весь строй послѣдующей ихъ жизни внѣ школы. (*) Сообразно съ этимъ, каждый предметъ, входившій въ систему семинарскаго образованія, служа цѣлямъ общаго развитія, ставилъ вмѣстѣ съ тѣмъ задачею воспитывать волю въ стремленіи къ добру. Не говоря уже о богословскихъ наукахъ, которыя всѣмъ своимъ содержаніемъ содѣйствовали достиженію воспитательныхъ цѣлей, философія внушала правила, „какимъ образомъ всякой долженъ обращаться въ обществѣ человѣческомъ, и какія долж-

---

минаній. Разумность поступанія въ формальномъ развитія очевидна; но не въ этомъ одномъ ея достоинство, а кромѣ того въ сосредоточенности и полнотѣ дѣйствія, которыя предполагались въ каждомъ постепенномъ шагѣ. Три класса: риторика, философія и богословіе. Въ каждомъ по одному руководителю и по одному пособнику: въ риторикѣ пособникомъ профессора словесности—преподаватель исторіи; въ философіи къ преподавателю этой науки приставленъ преподаватель математики; при профессорѣ богословія въ богословскомъ классѣ стоитъ профессоръ церковной исторіи. Сосредоточивая учащагося подъ однимъ главнымъ руководителемъ и надъ однимъ главнымъ предметомъ, каждый классъ съ тѣмъ вмѣстѣ былъ полнымъ законченнымъ курсомъ: риторика и гражданская исторія не переходила въ философскій классъ, и философія съ математикой — въ богословскій. Отсюда двухлѣтній курсъ каждаго класса.» [Изъ переж. автобіогр. восп. Н. Гилярова—Платонова ч. 2 стр. 17.]

(*) Указаніе на тѣсную связь обученія съ воспитаніемъ въ семинаріяхъ прошлаго столѣтія находимъ и въ книгѣ «Изъ пережитаго.» «Отдадимъ, говоритъ авторъ, должное старой школѣ: ея христіанскія вѣрованія были глубоко искренни, и отсюда истекало мнѣніе, что все общее

ности въ разсужденіи Бога, въ разсужденіи ближняго и въ разсужденіи самаго себя хранить обязанъ;" краснорѣчіе принимало на себя задачу описывать историческихъ дѣятелей и ихъ дѣянія въ такомъ видѣ, что „нечувствительно и съ увеселеніемъ вкладывало въ мысль и сердце любовь къ честности и омерзеніе къ противному тому и вливало духъ и желаніе къ подражанію; поэзія предлагала вниманію питомцевъ такіе образцы, которые, „приводя въ восхищеніе умъ, могли влечь въ слѣдъ добродѣтели." Признавая за наукою воспитательное значеніе и видя въ ней тотъ „способъ, которымъ совершенство души снискивается," семинаріи прошлаго столѣтія соотвѣтственно съ этимъ направляли и самое преподаваніе и старались дать такую постановку учебному дѣлу, которая бы сама по себѣ «нечувствительно» изъ каждаго питомца приготовляла и „сущаго христіанина и добраго гражданина."

Чтобы вполнѣ исчерпать содержаніе рукописи, намъ остается, въ заключеніе, сказать нѣсколько словъ о тѣхъ порядкахъ учебной семинарской жизни, которые имѣютъ связь какъ съ общею системою семинарскаго образованія, такъ и происхожденіемъ разсмотрѣнныхъ документовъ. Мы разумѣемъ занятіе учениковъ стихосложеніемъ и устройство публичныхъ диспутовъ.

Отъ семинарій прошлаго столѣтія остались цѣлые фоліанты произведеній семинарской музы—поэзіи. Большинство этихъ произведеній слагалось въ честь преосвященныхъ владыкъ,

---

образованіе должно служить только подготовкой къ принятію откровеннаго ученія и такою при томъ подготовкой, которая, на основаніи собственныхъ данныхъ естественнаго знанія, приведетъ къ исканію высшаго просвѣщенія въ откровеніи. На этомъ-то основаніи въ низшихъ классахъ о богословскихъ знаніяхъ не заботились: изученію слова Божія и богопреданнаго культа мѣста не давалось.» [Автобіогр. воспоминанія ч 2 стр. 179—180].

верховныхъ блюстителей о благосостояніи семинарій; но немало встрѣчается между ними и такихъ произведеній, сюжетомъ для которыхъ служили болѣе или менѣе достопримѣчательныя событія мѣстной или общегосударственной жизни. (*)

(*) Особенное вниманіе, какъ видно, семинаріи обращали на изученіе образцовъ древне-классической поэзіи. По крайней мѣрѣ произведенія семинарскихъ питомцевъ обнаруживаютъ прекрасное знакомство ихъ съ греко-латинскою миѳологіею и нерѣдко заключаютъ въ себѣ картины, почти цѣликомъ перенесенныя изъ этой поэзіи. Для примѣра приведемъ здѣсь отрывки изъ оды «на преславныя побѣды, одержанныя надъ сухопутнымъ и морскимъ турецкимъ войскомъ, и заключеніе мира съ Портою.

«Катись счастливо, Фебъ златый,
Теки, теки къ тому предмету,
Къ чему Творцемъ назначенъ ты;
Разсыпь съ лучами то по свѣту,
Что съ высоты небесной зрѣлъ.
Отъ пара кровнаго и пыли,
Военны вихри что взносили,
Затмѣніе ты тамъ терпѣлъ,
Отколь свои горящи очи
Возводишь къ намъ, по темной ночи.

———

Надмѣнный пышностью своей
Востока гордый повелитель,
Влечась неистовствомъ страстей,
Покоя сдѣлался рушитель
И, льстясь надеждою, изрекъ:
Сбирай, визирь, полки, снаряды;
Бѣги, разсыпь всѣ россовъ грады;
Смѣшай ихъ съ кровью токи рѣкъ.
На что мнѣ миръ? Хочу я брани:
Я въ вѣкъ сбирать съ нихъ буду дани.

———

Какъ быстрая рѣка спѣшитъ
На низъ съ крутизны горъ высокихъ,
Ярясь деретъ и не щадитъ
Дна своего песковъ глубокихъ;
Стремительною быстриной
Тяжелы камни съ мѣстъ хватаетъ
И, кажется, проходъ копаетъ
Въ срединѣ твердости земной;
Страшитъ шумящими волнами,
Между крутыми мчась брегами:

———

Такъ тьмы османовъ и татаръ
Летятъ на россійскія границы;
Всходя, какъ облакъ, конскій паръ
Скрываетъ свѣтъ златой денницы.
Ихъ топотъ слышенъ за сто верстъ;
Вьютъ вихремъ воздухъ за собою,
Стремятся съ храбрымъ россомъ къ бою:
Но адъ на гибель ихъ отверстъ:
Тамъ въ Стиксѣ утопать въ вѣкъ будутъ,
А стыдъ и срамъ свой не забудутъ.

———

Какое же значеніе могло имѣть въ учебной жизни семинарій это усиленное упражненіе учениковъ въ стихосложеніи?—Семинаріямъ хорошо, конечно, было извѣстно древнее изреченіе poëtae nascuntur, и не поэтовъ, безъ сомнѣнія, задавались онѣ цѣлію воспитывать изъ своихъ питомцевъ. Очевидно, что и здѣсь, какъ во всемъ, имѣлись въ виду чисто учебныя и воспитательныя цѣли. Въ учебномъ планѣ занятіе учениковъ стихосложеніемъ служило необходимымъ добавленіемъ къ изученію предмета поэзіи и преслѣдовало тѣже цѣли,

---

Крѣпитъ отечества любовь,
Весь станъ союзомъ тѣснымъ вяжетъ
Россіи истинныхъ сыновъ—
Единымъ тѣломъ многихъ кажетъ.
Мечи ихъ и сердца острить
Ко православной вѣрѣ ревность,
Что имъ хранила предковъ древность;
Живитъ и движетъ и бодритъ
Ихъ мысль сладчайшій слухъ единый
Премудрыя Екатерины.

Въ лѣсахъ звукъ ярый возстеналъ;
Мечь, огнь и пламень возгорѣли
Со страхомъ, ужасомъ металлъ.
Метаемы отъ россовъ стрѣлы
Родятъ въ ихъ дланяхъ громкій плескъ:
Побѣда въ ихъ очахъ несется.
Противныхъ полкъ уже трясется:
Ихъ въ сердцѣ строя слышенъ трескъ.
Дрожитъ въ отчаяньи конечномъ,
Бѣжитъ, въ стыдѣ оставшись вѣчномъ.

Трясется паки весь востокъ·
Отъ пламени военна тлится.
Опять, презрѣвъ смертельный рокъ,
Сотренный врагъ на россовъ злится.
Но сколько разъ онъ хочетъ встать
Противъ россійской страшной власти,
Толико принужденъ онъ пасть:
Его всякъ россъ обыкъ топтать:
Сколь часто мечь подъять дерзаетъ,
Столь часто россъ его терзаетъ.

Теперь вездѣ гонимый врагъ,
Зря всюду русскую побѣду,
Не можетъ съ мѣста двинуть шагъ,
Не можетъ своего зрѣть слѣду.
Уже не ядеръ свистъ страшитъ
Духъ гордый буйнаго срацына,
Не зракъ ужасный исполина:
Онъ въ страхѣ, въ горести дрожитъ,
Когда вѣтръ тонкій листъ качаетъ,
Когда звѣрь робкій пробѣгаетъ.

какія имѣлись въ виду при преподаваніи этого предмета. Со стороны своей формы оно содѣйствовало усвоенію учениками наиболѣе выразительныхъ словъ и оборотовъ и дѣлало ихъ рѣчь болѣе изящною, пріучало ихъ къ точности и опредѣленности въ выраженіи мысли и вообще способствовало усовершенствованію школьной стилистики. Какъ занятіе, по выраженію рѣчи о пользѣ наукъ, увеселительное, оно вносило въ школьную

Природы рушился покой;
Стихіи межъ собою здорятъ;
Кипитъ все море, какъ котелъ;
Сильнѣйши вихри съ вихремъ спорятъ.
То спершись волны вверхъ разятъ;
То рушась паки утопаютъ,
Ярясь со дна песокъ копаютъ.
Сколь тяжекъ россовъ гнѣвъ, гласятъ,
Что возбудилъ османнъ предерзскій,
Принявши злобный духъ и звѣрскій.

Нептунъ, столь сильный слыша споръ,
Въ пучинѣ сидя, негодуетъ
И вдругъ, сквозь волнъ угрюмый взоръ
Поднявъ, сказалъ: кто тамъ бунтуетъ?
Но вдругъ опять, прервавши рѣчь,
Нырнувъ во глубину сокрылся
И самъ онъ бури устрашился;
Не могъ валамъ пути пресечь;
Увидя россовъ гнѣвъ столь строгой,
Бѣжалъ на дно съ своей острогой.

Изобразивъ побѣды русскаго флота въ Егейскомъ морѣ и истребленіе турецкаго флота въ Чесменской бухтѣ, авторъ слѣдующими чертами описываетъ наступившій затѣмъ миръ:

Ликуйте море и земля!
Военный шумъ оставь Беллона!
Орфей подвигни лѣсъ, поля,
Возвысь звукъ радостнаго тона!
И ты, Янъ, храмъ свой заключи,
А съ ними грозный Марсъ и смѣлый
Оставь свои быстрѣйши стрѣлы,
Оставь острѣйшіе мечи!
Военны вихри утолитесь
Въ зефиры нѣжны превратитесь:

Се миръ летитъ со тишиной;
Власы по вѣтру распускаетъ;
Срѣтается въ поляхъ съ войной,
Ее приходомъ устрашаетъ;
И гонитъ въ дальніе края,
Гдѣ тигры лютые со львами,
Гдѣ страшны аспиды съ змѣями
Сливаютъ лютости свои.
Уже враги надмѣнны пали,
Что пасть себѣ не признавали.

жизнь оживленіе и служило для семинарій почти исключительнымъ средствомъ къ развитію въ ученикахъ чувства изящнаго. Не чуждо воспитательнаго значенія и самое содержаніе ученическихъ произведеній. Большинство ихъ, какъ не трудно видѣть и изъ приведенныхъ нами, представляютъ изъ себя не что иное, какъ гимны въ честь науки и ея покровителей, указываютъ превосходство просвѣщенія предъ невѣжествомъ и преимущества людей просвѣщенныхъ наукою предъ людьми не просвѣщенными ею. Цѣль этого прославленія науки—ясна. Семинаріи смотрѣли на упражненіе учениковъ въ стихосложеніи, какъ на одно изъ средствъ къ воспитанію въ нихъ любви къ занятіямъ наукою.

Диспуты были устраиваемы обыкновенно два раза въ годъ: предъ праздникомъ Рождества Христова и предъ лѣтними каникулами. Но кромѣ этихъ обычныхъ диспутовъ бывали иногда экстраординарные, по поводу какихъ либо выдающихся событій въ жизни семинарій. (*) Такъ, Тверская

И се пастухъ въ зеленый лугъ
Стада гоняетъ безмятежно;
Беретъ Церера въ руки плугъ;
Сторичный чая плодъ, надежно
Бросаетъ въ землю сѣмена:
Ея пшеницу межъ браздами
Топтать своими ужъ ногами
Не будетъ строгая война.
Родятъ веселы въ рощахъ клики
Поющихъ юношъ свѣтлы лики.

Въ поляхъ зеленый лавръ цвѣтетъ;
И волны не колеблютъ море;
Купецъ въ немъ весело плыветъ.
Уже Колумбъ Россійскій вскорѣ
Достигнетъ съ златомъ бѣлыхъ водъ.
Свободныя же всѣ науки,
Не слышны коимъ бранны звуки,
Еще прославятъ россовъ родъ;
Еще трудовъ своихъ приложатъ
И пользу въ обществѣ умножатъ.

(*) Для характеристики публичныхъ диспутовъ приведемъ здѣсь философскія и богословскія положенія, служившія предметомъ словопреній на диспутѣ 15 іюля 1774 года, въ присутствіи преосвященнаго Арсенія, въ Архангельской семинаріи при открытіи философскаго класса. Вотъ эти положенія:

семинарія вступленіе преосвященнаго Арсенія на Тверскую каѳедру праздновала устройствомъ диспута 29 сентября 1775 года. Судя потому, что диспуты всегда обставлялись самымъ торжественнымъ образомъ и происходили въ присутствіи епархіальнаго архіерея и множества другихъ свѣтскихъ слушателей, за ними признавалось немаловажное значеніе. Общая цѣль ихъ состояла въ томъ, чтобы ознакомить посѣтителей съ состояніемъ учебнаго дѣла въ семинаріяхъ, показать тѣ результаты, какихъ онѣ достигали въ теченіе извѣстнаго періода времени, и такимъ путемъ привлечь къ себѣ благосклонность и вниманіе общества. (*) Поэтому въ составъ диспута входили не только словопренія по поводу извѣстныхъ философскихъ и богословскихъ положеній, но чтеніе и другихъ ученическихъ произведеній по предметамъ краснорѣчія и поэзіи

1] Познаніе историческое есть основаніе познанія философскаго.

2] Кто познаніе философское имѣетъ, тотъ долженъ проникать въ союзъ истинъ и вещей.

3] Логика, наукою снисканная, отъ натуральной несущественно отличается.

4] Богъ созданный отъ себя міръ не оставилъ, но непрестанно о немъ промышляетъ.

5] Богопочтеніе не можетъ остаться безъ своего награжденія.

6] Священное писаніе есть истиннѣйшее слово Божіе.

Положеній философскихъ защититель—философіи студентъ Алексѣй Ксензовъ.

Противоположители: Петръ Саксинъ, Иванъ Дунинъ, Иванъ Качеринъ.

Положеній богословскихъ защититель—Григорій Кипровъ.

Противоположители: Артемій Кононовъ, Никифоръ Леонтіевскій, Иванъ Жиравовъ.

Программа диспута заканчивается словами: «буди все въ славу большую преблагаго великаго Бога.»

(*) Болѣе почетнымъ посѣтителямъ семинарскихъ диспутовъ посвящались стихи, извѣстные подъ именемъ «мадригалъ.» Вотъ образцы мадригалъ, поднесенныхъ на диспутѣ въ Архангельской семинаріи:

—рѣчей, одъ, кантовъ, и при томъ не только на русскомъ, но и на латинскомъ, греческомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. При такой постановкѣ диспутовъ посѣтители дѣйствительно могли получать полное представленіе и о характерѣ семинарскаго образованія, и о состояніи учебнаго дѣла, и о развитіи учениковъ.—Болѣе глубокое значеніе диспутовъ заключалось въ той ихъ сторонѣ, которая находится въ связи съ общею системою семинарскаго образованія. Еще Духовный Регламентъ видѣлъ въ устройствѣ диспутовъ не только „веселую перемѣшку,“ вносившую оживленіе въ ученическія занятія, но и дѣло „зѣло полезное къ наставленію и резолюціи, сіесть честной смѣлости, каковыя требуетъ проповѣдь слова Божія. (*) На диспутахъ питомцы семинарій изощряли свое остроуміе и пріобрѣтали опытность въ словопреніяхъ, необходимую „для защищенія вѣры православныя догматовъ.“ (**)

«Сочувствуя въ душѣ отмѣнное движенье,
Благоволи воззрѣть на наше восхищенье,
О мужъ! котораго отмѣнныя дѣла
Объемлетъ съ славою нелестна похвала,
Ты чувствіямъ сердецъ вѣрнѣйшій будь свидѣтель
Поющихъ искренно святую добродѣтель,
И чтущихъ радостно Паллады торжество,
И всѣхъ о счастіи молящихъ божество.

Какъ восхищается нашъ нынѣ Геликонъ
И сколь въ пріятнѣйшемъ восторгѣ зрится онъ,
Воззри, достойный мужъ! Умножи нашу радость
И ободри къ трудамъ учащуюся младость.
Тебѣ нашъ Геликонъ приноситъ чистый даръ,
Желаній искреннихъ чувствительнѣйшій жаръ,
И молитъ щедрую божественну державу,
Дабы умножилъ Богъ твою и жизнь и славу.

(*) Дух. Регл. § 22 п. 18.
(**) Славяно-Греко-Лат. ак. стр. 184.

Также, какъ въ занятіи стихосложеніемъ, и въ диспутахъ семинаріи видѣли средство „для большаго возбужденія прочихъ ко ученію.“ (*) Выставляя лучшихъ учениковъ въ качествѣ «защитителей и противоположителей» философскихъ и богословскихъ тезисовъ, въ присутствіи многочисленныхъ слушателей, семинаріи надѣялись этимъ путемъ способствовать какъ достиженію вышеуказанныхъ цѣлей, такъ и возбужденію въ ученикахъ соревнованія и интереса къ занятіямъ наукою.

Перепечатано изъ № № 11, 12, 13, 15, 16 и 17 Твер. Епар. Вѣд. 1887 г.

(*) Ibid.

Дозволено цензурой 1 іюня—1 сентября 1887 г. Тверь. Тип. Губ. Правленія.